

12+

Ксения Смыслова
Somewhere

Ксения Смылова

Somewhere

«Автор»

2020

Смылова К. В.

Somewhere / К. В. Смылова — «Автор», 2020

Яркий, светлый, солнечный мир. Боги и герои, меч и магия, драконы и единороги. Эпическая игра богов, вовлекающая мир целиком. Но что, если есть кто-то еще, кто выше богов, со своими тревогами и печалью, отчаянием и надеждой?..

© Смылова К. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Боги.	5
«Охота на единорога».	6
Мария.	6
Ирма.	8
Амелия.	9
Боги.	11
Таэнн.	12
Боги.	13
Казимир.	14
Хлозепимедира.	15
Боги.	16
Чцхид.	17
Внизу 4.	20
Астакар.	21
Доминга.	22
Ланкаммонн.	23
Боги.	27
Внизу.	28
Боги.	31
Внизу.	32
Боги.	38
Внизу.	39
В параллели перпендикуляра.	44
Внизу.	45
Доминга.	51
Боги.	52
Таэнн.	53
Боги.	54
Внизу.	55
Боги.	57
Внизу.	58
Боги.	61
Внизу.	62
Доминга.	64
В параллели перпендикуляра.	65
Внизу.	66
Боги.	67
Внизу.	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ксения Смылова

Somewhere

Боги.

– Ты уверен, что он готов к этому? – Галата сконцентрировала свое внимание на ярком пейзаже Самвэра, видневшемся сквозь просветы облаков.

– Уверен – не уверен, какая разница? – тоскливо отвечал Галат, – Сегодня. Тот самый день – сегодня!

– Сегодня, – вздохнула Галата и метафорически хлопнула в ладоши, – Ну что ж, открывай!

Галат переместился к облупленному зеленому богонепроницаемому сейфу, сиротливо висевшему в пространстве, и попытался его открыть. Поскольку рук, равно как и других частей тела у верховного бога Самвэра никогда и не было, это было весьма затруднительно, и Галат, промучившись некоторое время, попросту расщепил сейф на атомы. Взору богов открылся толстый конверт *in folio*.

Конверт богонепроницаемым не был, так что утруждать себя его вскрытием Галат не стал:

– «Охота», «Правила», «Часть первая: Подбор игроков», – читал Галат заголовки, – Да, чувствую, придется всех собирать.

Боги появлялись постепенно, один за одним проецируя свои полуразмытые сущности в этой точке пространства высоко в небе. Последней появилась Маэртене, богиня девиц, а ее-то и ждали с особым нетерпением, потому что именно ей первой принадлежало право выбора.

– Маэртене, – строго сказал Галат, – смотри: у тебя есть три кандидатуры. Ты должна выбрать из них одну. Поняла?

– Ага, – рассеянно ответила богиня, – А две можно?

– Нет, – с тоской в голосе протянул Галат, – Я же сказал – одну!

– Да ясно, ясно, не кипятись, – Маэртене переместилась в пространстве к одному из разрывов в облаках, – Я готова!

Внизу

I

«Охота на единорога».

Мария.

Мария прислонилась к нагретому солнцем камню и прикрыла глаза. Похоже, сегодня ей снова придется возвращаться ни с чем. Уже в четвертый раз она придет без добычи. Скоро уволят. Мария была уверена, что единорогов отпугивает этот увалень Джон, который и сейчас пыхтел в кустах, как страдающий животом медведь. А поди докажи это работодателю! Скажет, пытаешься, девка, ответственность перевалить...

Марии скоро должно было исполниться двадцать пять лет – солидный возраст для охотницы. Ежедневно она рисковала потерять работу. А тут... четвертый раз без добычи. Мария глубоко вздохнула.

Денек был прекрасный: безоблачное небо, ласковое солнце, свежий ветерок доносил едва уловимый запах моря, где-то неподалеку тенькал зяблик.

Вдруг Мария почувствовала чье-то присутствие. Притворяясь спящей, она чуть приоткрыла глаза и сквозь густую щетку ресниц увидела единорога. Слегка розоватый, с зелеными бликами листвы на шерсти, он стоял на опушке поляны, посреди которой сидела Мария, и смотрел на девушку.

Затаив дыхание, Мария внутренне собралась, сконцентрировалась и стала мысленно звать единорога. Тот склонил голову, будто прислушиваясь, потом сделал неуверенный шаг, еще один – и замер. Мария выругалась про себя – Джону, очевидно, надоело неподвижно сидеть, и он решил поразмяться: он вылез из кустов и направился к девушке. Единорог отступил под сень деревьев, но не ушел, а остался, поглядывая на людей влажным глазом.

– Слышь, Мари, – пробасил увалень, – Плюнь ты на весь этот цирк! Я-то знаю, почему к тебе звери не ходят, но я ничего не скажу хозяину, если ты сейчас.... – Джон не договорил, но недвусмысленно потянулся к Марии.

– Убери руки, ублюдок деревенский, – прошипела та, но парень уже сгреб ее в охапку и принялся бесстыдно лапать.

Краем глаза Мария увидела, что единорог развернулся и собрался уходить. Упустить его Мария не могла. Она вытащила из-за пояса нож и, не раздумывая, ударила Джона в живот. Парень упал, ухватившись двумя руками за рукоятку и вгоня сталь глубже себе в плоть, и дико закричал.

Не помня себя, Мария кинулась бежать к единорогу, но вдруг остановилась как вкопанная: единорог прошел мимо нее, направился к Джону... и стал рвать острыми клыками еще живое тело. Мужчина закричал еще громче, но этот крик быстро перешел в хрип, а затем совсем затих, когда единорог перервал ему сонную артерию и присосался к шее, жадно глотая кровь.

Мария смотрела на всю эту сцену расширенными глазами, а в голове ее неслись обрывки мыслей. Перед ней единорог допивал кровь ее сопровождения, а внутренний взор уже рисовал баснословные суммы, которые можно выручить за этого зверя.

Единорог тем временем оставил обескровленный труп, подошел к Марии и по-лошадиному ткнулся окровавленной мордой ей в плечо. Девушка слегка опомнилась, не морщась, поцеловала единорога, слизав с губ соленую мужскую кровь, и повела единорога к Городу. К

хозяину она уже никогда не вернется. Денег ей теперь должно хватить на безбедное существование до самой старости. Хватит.

Ирма.

Ирма сильно волновалась. Это был ее первый поход, и девушка, как, впрочем, любой человек, нервничала перед неизвестным. Ежеминутно она дергала своего сопровождающего, Марка, дурацкими вопросами, и уже почти вывела его из себя.

Ирме было всего шестнадцать, она была по-подростковому некрасива и чрезвычайно бедно одета. На нервной почве Ирма ломилась по Лесу как медведь, гулко шлепая тяжелыми деревянными башмаками. Марк, прирожденный лесовик, то и дело морщился, когда соплячка с хрустом наступала на очередной сучок, или, того лучше, резко отпускала ветку, и та с размаху пыталась хлестнуть Марка по лицу – успевай уворачиваться!

Наконец, они вышли на облюбованную поляну. Марк засел в кустах, а Ирма, вместо того, чтобы чинно сидеть и ждать единорога, принялась носиться за бабочками и, прометавшись некоторое время по поляне, исчезла в чаще. Марк услышал вдруг ее крик, перешедший в захлебывающийся плач. Чертыхаясь, Марк устремился в лес, и очень скоро обнаружил девушку – Ирма свалилась в глубокую яму (возможно, брошенную берлогу), сильно исцарапала лицо и сломала ногу – Марк видел, что колено Ирмы было изогнуто немислимым образом, и через небольшую ранку над коленом просвечивал отломок кости.

Девушка тем временем потеряла сознание. Марк стоял на краю ямы, чесал в затылке и думал, стоит ли с девчонкой возиться: Охотницей ей теперь никогда не быть – единороги не клюют на девушек с физическими увечьями, а Ирме, даже при самом благоприятном исходе, хромота на всю жизнь обеспечена.

Марк вполне мог бы оставить ее здесь, зверям на съедение... Но не сделал этого, а полез вниз, примотал Ирме к ноге палку кусками ее собственной юбки, взял хрупкое, костлявое, но достаточно тяжелое тело на руки и пошел к Городу. Девушка все не приходила в сознание и время от времени тихо стонала. Марк размеренно шел и неожиданно понял, как дорога ему эта страшненькая девочка, как беззащитна она сейчас в его руках...

Марк крепче прижал к себе Ирму и вышел на тракт. Город все приближался. Город, где они с Ирмой когда-нибудь обязательно поженятся.

Амелия.

Амелия шла по Лесу, высоко подняв подол светлого платья и придерживая веревку на поясе.

Лес был прямо-таки сказочный: сосны, пронизанные солнцем, высились подобно сверкающим колоннам, в золотистом воздухе между ними вились сотни пылинок, то и дело вспыхивающих искрами, воздух был свеж и пах лесом.

Амелия злилась. Отправить ее одну, без прикрытия, в почти незнакомую местность – это уже безалаберность. Мало ли что с ней может случиться! А если звери даже! Заклятье от хищников стоило слишком дорого, и ее работодатели не хотели тратиться на столь скоропреходящий капитал, как девица. Долго на этой работе не задерживались – большая часть, конечно, увольнялась, потеряв необходимое «качество», меньшая часть гибла на работе. Амелии был известен трагический случай, когда девушка была убита единорогом – она потеряла девственность в состоянии сильнейшего алкогольного опьянения и ничего об этом не помнила. А некоторые уходили из-за возраста: единороги, как известно, не клюют на девушек старше двадцати восьми лет, и пополняли ряды старых дев – незавидная участь!

Неожиданно Амелия услышала шум в кустах: ломился крупный зверь, и слишком тяжело для единорога. Выругавшись словами, которые девушке и знать-то не полагается, не то что произносить, не путая ударения, Амелия прижалась к стволу дерева, приготовившись чуть что на него вскарабкаться. Впрочем, если медведь, это не поможет. Но из кустов появился всего лишь лось, и Амелия, облегченно вздохнув, отлепилась от сосны, как вдруг заметила, что что-то насторожило зверя. Испуганно взревев, лось промчался мимо, а Амелия стала потихоньку спиной вперед отступать в кусты.

Вдруг ей под лопатку уперлось что-то твердое. И острое.

– Так-так-так, – послышался над ухом молодой и очень недобрый голос, – Что это у нас тут?

Амелия резко развернулась и оказалась с парнем лицом к лицу. Зеленые глаза блестели почти как внушительных размеров охотничий нож у него в руке. Парень улыбался, почти щерился, обнажая мелкие, очень белые зубы.

– Эльф! – не удержавшись, воскликнула Амелия.

– Гуман, – презрительно скривившись, констатировал эльф. Нож переместился Амелии под подбородок, и над ножом засверкали холодные, злые глаза, – И что же нужно гуманше в нашем свободном Лесу? – зашипел эльф.

– Не твое дело! – огрызнулась Амелия. Нельзя сказать, что она не боялась – трудно сохранять спокойствие, когда защитой твоей жизни служит лишь непрочная броня твоей собственной кожи, но страх затмевала ненависть. Эльфов Амелия ненавидела всей душой: они убили ее семью, сожгли ее дом, из-за них она вынуждена заниматься унижительным ремеслом.

Эльф тем временем опутывал Амелии руки ее собственной веревкой, но вдруг замер и... опустился на колени. Поскольку девушка сопротивлялась, они вышли из кустов на поляну, и теперь через нее шел единорог. «Отличный экземпляр», – краем сознания отметила Амелия. Единорог и впрямь был великолепен: стройный, отливающий голубоватым серебром, с гладкой, блестящей шерстью и рогом в локоть длиной, золотым, как и копыта.

Эльф все стоял на коленях. Глядя на него темным глазом, единорог подошел к Амелии и склонил голову ей на живот. Девушка мгновенно поцеловала единорога, ухватилась за гриву и взвилась зверю на спину. Единорог послушно и неторопливо понес ее к Городу.

«Все!» – думала Амелия, рыся на единороге по Лесу, – «Никогда больше! Я сейчас пойду в порт и отдамся первому попавшемуся матросу!». Словно услышав ее мысли, единорог повернул голову и фыркнул – как показалось Амелии, насмешливо.

Единорог донес девушку до опушки и встал как вкопанный, отказываясь сделать хоть один шаг. Амелия соскользнула с его спины и пошла к Городу. Единорог потрусил в Лес. Они не оглянулись друг другу вслед. Ни разу.

Боги.

– Нет, – в голосе Маэртене зазвенели капризные нотки, – Так не честно! Во-первых, почему же это мой персонаж – Охотница на единорога?! Низшая каста! Почему?!

– Маэртене, – строго сказал Галат, – Такова воля Демиурга. Ты что, споришь с Ней?

– Нет-нет, – быстро ответила Маэртене, – Я с Ней не спорю... А почему человеки только?

– Маэртене, – Галат был само терпение, – Ловлей единорогов занимаются ТОЛЬКО люди.

– Почему?

– Потому что гномы не покидают гор, а элфы поклоняются единорогам и НЕ МОГУТ на них охотиться, – Галат сказал это и вознес про себя краткую молитву Демиургу, прося Ее, чтобы Маэртене не спросила, почему единорогов не ловят другие расы Самвэра, ибо терпение его на исходе. Но, очевидно, Демиург бога не услышала, потому что Маэртене спросила:

– А русалки?

Галат зазвенел от ярости, но тут ему пришла помощь с неожиданной стороны:

– Маэртене, душка, ты еще спроси, почему единороги не ловят единорогов, – хмыкнул Лэкс, бог войны (следующий персонаж был его). Маэртене ахнула, сотворила себе большие глаза и растерянно похлопала ресницами. Поскольку ни на кого ее фокусы не произвели впечатления, богиня убрала глаза и с болью в голосе произнесла:

– Амелия. Но, Галат, вы не оставили мне выбора!..

– У тебя БЫЛ выбор, Маэртене!

– Ага, страшная, да еще теперь хромая, дура, и сумасшедшая убийца. Эта тоже не сахар, но лучше, чем те две.

– Отлично! – радостно сказал Галат, – Ты выбрала!

Он сконцентрировал свое внимание и волю на подходах к Городу, нашел охотницу и остановил время для нее.

Одна фигура готова.

Внизу

П

« Охота за головами».

Таэнн.

Таэнн мимоходом снес голову хоббиту, сунувшемуся под руку, и вскочил на подоконник, пинком разбил стекло (богатый с виду был дом) и, разворотив раму, прыгнул внутрь.

Горело уже больше половины деревни. Улицы были залиты кровью. Кругом трупы. Горы трупов. Элфы не щадили никого: ни хоббитов, ни людей, ни мужчин, ни женщин, ни взрослых, ни детей. Элфы были одержимы ненавистью и жаждой крови. Они рубили и резали без разбору. Над деревней летела, звенела и грохотала их яростная песня:

«Хей! Хей! Бей – убивай!

Хей! Хей! Уйти не давай!

Хей! Хей! Бей – не жалея!

Хей! Хей! Бей людей!» – пели, кричали, ревели они.

Сталь в их руках, залитая кровью, отражала огни пожаров оранжевыми бликами.

Уловив движение краем глаза, Таэнн метнул кинжал. За занавесью раздался писк. Эльф поправил пояс, изрядно утяжеленный человеческими и хоббичьими скальпами, и пошел за кинжалом. Увидел, что убил всего лишь крысу, выругался, выдернул кинжал и тщательно вытер его о занавесь. Дом, похоже, был пуст. Хозяйева бежали и увезли с собой все мало-мальски ценное.

Все больше и больше народу бежало в Город, пряталось от гнева элфов за крепкими стенами. На Город элфы не нападали – незачем. Скоро в деревнях никого не останется, некому будет возделывать землю, и Город умрет с голоду. Городу не прокормиться рыбой. Даже если попытается, они, элфы, договорятся с морскими братьями, – и море тоже будет их. Весь Самвэр будет их! Самвэр для элфов!

Таэнн пинком открыл дверь в очередную комнату. Дверь ударилась о стену и быстро закрылась – за это недолгое время эльф не успел бы увидеть в темноте существо, скорчившееся в углу, но оно выдало себя, метнувшись в сторону. Уловив движение, эльф остановился, приоткрыл дверь уже осторожнее, держа меч наготове, и быстро высмотрел горячее желтое существо (именно так выглядят хоббиты для эльфского инфравидения). Еще он видел, что существо мало, слабо и беззащитно. И безоружно. Эльф ощерился и подошел к существу, которое даже и не пыталось убежать – так было запугано. Это оказалась молодая хоббинка, растрепанная и оборванная. Она смотрела на эльфа круглыми от ужаса глазами, почти не дыша.

Таэнн вышел из дома через дверь, хмурясь и поигрывая кинжалом. Для него самого это было странно. Но он ее не тронул. Постоял, посмотрел и ушел. Это было на него не похоже. Впрочем, ему было некогда об этом думать.

Предстояло обшарить еще немало домов, прежде чем огонь поглотит их вместе с памятью об их обитателях.

Боги.

– По-моему, было весьма забавно, – ухмыльнулся Лэкс, – Мне нравится этот парень!

– Может, мы не станем тратить время, и ты выберешь его? – вкрадчиво предложил Каваскьяск-Единорог, бог элфов.

– Не дави на него, Каваскьяск! – встрял Тотон, бог людей, – Ты ревнуешь, потому что не участвуешь в Игре, и тебе хочется хотя бы свою расу протащить!

– А почему бы ему и не выбрать элфа, а, Тотон? – холодно поинтересовался Единорог, – Между прочим, если я не ошибаюсь, ты тоже не участвуешь в Игре. Один персонаж – человек уже есть, и хотя я, не споря с Ней, не одобряю профессию этого персонажа, я не возражаю. Но я не понимаю, почему ты против выбора представителей других рас в качестве персонажей...

– Прекратить свару!!! – рявкнул Галат. От его крика с одной из гор сошла лавина, слизнув по дороге группу гномов, возвращавшихся с разработок, а боги застыли по стойке смирно.

– Лэкс сделает свой НЕЗАВИСИМЫЙ выбор, просмотрев все три кандидатуры, ясно вам?! – несколько спокойнее продолжил верховный бог, – Смотрим.

Казимир.

Казимир осторожно выглянул из-за ствола. Никого не было видно, но Казимир кишками чувствовал присутствие элфов. Здесь была их территория, здесь царили их законы, но человек не боялся. Он вообще ничего не боялся. Все, что пыталось напугать его, он убивал, если оно двигалось, а если не двигалось, толкал и тоже убивал. Он шел по жизни, оставляя за собой горы трупов и ни капли сожаления.

На ветку рядом с Казимиром села крупная яркая птица и стала поглядывать на человека любопытным круглым глазом. На всякий случай Казимир придушил ее – птица могла оказаться соглядатаем, а станет обедом. Казимир засунул тушку в ягдташ... и напрягся – он скорее почувствовал, нежели услышал, шаги – прямо под собой. Легкие, но не элфы. Казимир глянул вниз: прямо под ним шла девушка – человек. Явно охотница на единорога. Казимир не стал прыгать на нее и насиловать, даже не подумал: он давно вышел из озабоченного возраста и не хотел неприятностей с цехом охотниц. Он последовал за девушкой по деревьям, решив использовать ее как наживку – охотница была почему-то без прикрытия, а значит, на нее могли клюнуть не только единороги, но и элфы.

Девушка вышла на поляну. Казимир сидел на дереве на опушке поляны, и вдруг заметил шевеление в кустах напротив. Мелькнула светловолосая голова, и последние сомнения Казимира рассеялись. Змеёй он сполз с дерева, но приземлился аккуратно на ветку, лежавшую на камне. На другом краю ветки лежала шишка. Ветка сработала как рычаг, шишка взмыла в воздух и угодила в чувствительное место лосю, топтавшемуся неподалеку. Зверь взревел и побежал.

Казимир, ругаясь про себя, прокрался к противоположному краю поляны, к кустам, в которых маячил эльф, и в которые спиной вперед отступала охотница.

Казимир не видел, что произошло, но когда он выглянул из кустов, эльф стоял на коленях посреди поляны, а в лесу виднелся единорог и девушка у него на спине – они быстро удалялись.

Казимир давно плюнул на дурацкие понятия чести и доблести, а вот целостность собственной шкуры весьма заботила его, поэтому он не стал окликать эльфа или иным способом привлекать его внимание, чтобы честно сразиться. Он неслышно подошел, сильно ударил эльфа по затылку рукояткой меча, потом спокойно отрезал ему голову и засунул ее в мешок. Это была уже третья голова за сегодня. Неплохо. На сегодня, пожалуй, достаточно.

Раздался низкий, протяжный звук. Казимир перекатился через себя, но оказался недостаточно быстр, да еще и мешок с головами помешал. Последнее, что он увидел в этой жизни, был ослепительно яркий блик на острие стрелы. Эльфией стрелы.

Пятеро элфов стали вокруг трупа, опираясь на луки. Самый молодой взялся обыскивать тело, сваливая все в кучу, остальные смотрели. На траву летели золотые монеты, кинжалы, ремни с железными заклепками, хорошие сапоги из мягкой кожи, мешок с птицей и мешок с головами.

– Жаль, что мы не людоеды, – сказал один из наблюдателей, – Вы гляньте, сколько мяса! Остальные засмеялись.

Вдруг в лесу послышалось конское ржание. Элфы метнулись, но поняли, что оказались в кольце. Сухо защелкали арбалеты. Только один из элфов успел натянуть лук, но выпустить стрелу не успел.

Хлозепимедира.

Хлозепимедира, большинству известная, как Огненная Хло, возглавляла небольшой отряд, посланный Городом в Лес. Главы Города сочли, что элфы чересчур распоясались.

Все верно, Город они не трогали, но они вырезали одну деревню за другой, и наиболее дальновидные из старейшин видели в этом угрозу Городу. Деревни кормили его. Сейчас же Город захлебывался под напором беженцев, Город был переполнен, ему грозили эпидемии, а самое страшное, голод. Было бы неразумно не защитить свою дойную корову, и Город снарядил карательный отряд в пятьдесят человек, поставив во главе его опытную, удачливую, красивую, а главное популярную воительницу.

Все полсотни мужчин в отряде облизывались втихомолку на свою предводительницу, гарцевавшую во главе кавалькады на горячей ярко-рыжей лошади. Огненная Хло встряхивала пламенной гривой, вскидывала меч к солнцу и звонко выкрикивала боевые кличи, поддерживая дух своего воинства. Что и говорить, форсу в воительнице было хоть отбавляй. Хло не носила доспехов, полагая свою удачу лучшей броней, и в одежде руководствовалась прежде всего принципами соблазнительности и привлекательности. На ней было некоторое подобие открытого топа, плотно облегавшего объемистую грудь, короткая (ну очень короткая!) юбка, широкие браслеты на предплечьях и сапоги выше колена – все из черной кожи, что говорить. В общем и целом, видок у воительницы был экзотический. И оружие она тоже предпочитала экзотическое: за спиной у нее были нунчаки, за поясом – два десятка сюрикенов, а к седлу приторочен боевой шест. Вот такая персона возглавляла карательный отряд из пятидесяти отборных головорезов Города. Такие-то и смущают бедных художников, посещая их в горячечных видениях.

В отряде было двое следопытов-лесовиков. Они читали следы и должны были вывести отряд на элфов. К Хло подошел один из них, Марк.

– Лучше спешиться, – сказал он, – элфы где-то рядом. Лучше попробовать подобраться к ним пешком.

Хло кивнула и дала знак слезать с коней. Потом она внимательно посмотрела на стоящего перед ней следопыта.

– Марк, – Хло легко слетела с лошади и протянула мужчине поводья, – Побудь с лошадьми.

Она знала, что следопыт недавно женился и на опасную миссию подписался только ради денег – ему нужно было кормить семью, которая собиралась в скором времени увеличиться. Огненная Хло хотела побережь этого человека. Марк, кажется, ее понял. Он благодарно кивнул и взял поводья.

Отряд, ведомый вторым следопытом, Брайаном, подкрался к поляне, посреди которой стояли четыре элфа. Пятый сидел на корточках у трупа человека и обирал его. Неожиданно заржала одна из оставленных лошадей. Элфы вскинулись, но было поздно – они были окружены. Люди перестреляли их как зайцев.

Радостно галдя, отряд высыпался на поляну и стал увлеченно собирать доказательства своей победы. А когда обнаружилось, что в мешке возле человеческого трупа еще три «доказательства», радость не знала границ.

«Мальчишки!» – зло думала Хло. Из всего отряда она, да еще пара человек смотрели по сторонам. Остальные беспечно забылись. Впрочем, и бдительности воительницы оказалось недостаточно. Люди поняли, что окружены, лишь когда со всех сторон запели элфы луки и полетели меткие стрелы. Так бесславно пропал карательный отряд.

Марк тоже не спасся. Элфы, может, и не едят человечину, зато конину – с удовольствием.

Боги.

Лэкс, фигурально выражаясь, пожал плечами:

– Ну что ж, у меня нет выбора...

– Лэкс, и ты туда же, – простонал Галат, – что тебя не устраивает?

– Да нет, все в порядке, – примирительно сказал Лэкс, – Но посуди сам: здоровяк погиб, бабу я не взял бы все равно – остается эльф. Я выбираю эльфа, – громко и отчетливо повторил бог.

– Отлично! – Галат вновь сконцентрировал на Самвэре свою волю, выключив Таэнна из мирового времятока.

Каваскъяск торжествующе посмотрел на Тотона. Тот сделал вид, что ничего не заметил, но пробормотал про себя:

– Велика радость – головорез!

Лэкс услышал это и расхохотался, но его смех никто не поддержал, так что бог войны смутился и затих.

Тем временем в сторонке шептались Маэртене, Этшантис, богиня высокой любви, и Томора, богиня брака:

– Я знаю, это ваши проделки, – заговорщически прошептала Маэртене.

– Ты о чем? – богини переглянулись.

– Я об Ирме и Марке. Зачем вы это сделали, признавайтесь! Вы же знали, что он погибнет!

– Не знали, – ответила за двоих Томора, – Нам стало жалко девочку. Ты б ее все равно не выбрала.

– А вдруг?!

– Хромую? – язвительно спросила Этшантис.

Маэртене не нашла что ответить, и умолкла.

А между тем среди богов царил переполох: следующим выбирать персонажа должен был Рестестам, бог наживы, но его нигде не могли найти. Боги метались во все стороны и спрашивали о нем друг у друга.

Наконец Галат прекратил сутолоку, заморозив всех, и призвал Рестестама своей волей. Среди богов появилось золотое изваяние зайца в два метра высотой и в метр шириной, инкрустированное драгоценными камнями, которое тут же полетело вниз. Галат своей волей убрал дурацкий облик Рестестама и строго сказал тому:

– Прекрати паясничать и выбирай. Смотрим.

Внизу 3.

«Охота за богатством»

Чцхид.

Чцхида можно было смело сажать на черном фоне, и его бы никто не заметил, если б он закрыл глаза и не улыбался – так он был запорошен угольной пылью. У него было черное лицо, черные руки, черная одежда и борода. Время от времени он оглушительно чихал – гулкое эхо билось о стены шахты и оседало вместе с тучами черной пыли.

Нельзя сказать, чтобы Чцхиду нравилась собственная чернота, но и особого раздражения она у него не вызывала – как все гномы, Чцхид не придавал особого значения своему внешнему виду, а вот то, что жила была богатая, его весьма радовало. Сегодня он уже выломал два крупных желвака – один размером почти с гномью голову! – и радостно предвкушал, какие славные бриллианты получаться после огранки.

Дела у Чцхида в последнее время шли хорошо – он напал на богатую алмазонасную жилу и с остервенением ее разрабатывал. Деньги были нужны: Цача стала совсем взрослая, скоро замуж выдавать, приданное, свадьба и все такое... Жаль, что близнецы, Цхад и Чхад, еще слишком маленькие, чтобы помогать отцу.

Неожиданно кирка Чцхида провалилась в пустоту. У гнома все оборвалось внутри: никак пробил стену подземной реки! Сейчас его здесь затопит, и дело с концом. Гном застыл. Потекли мучительные секунды. Вода из-под кирки не брызгала и журчания не было слышно. Чцхид слегка потянул кирку на себя. Вода не потекла. Осмелев, гном выдернул кирку вовсе и осторожно принялся расширять отверстие. Заглянув в него, Чцхид был поражен: он вломился в полость навряд ли пузыря, из стен которого торчали щетки алмазов, даже бриллиантов – ограненные самой природой, они являли взору невероятную, естественную красоту. Для Чцхида же это были деньги, несметное количество денег. Слишком большая удача. Слишком большая.

Чцхид решил не копать больше сегодня. Осенив проломанную им дырочку священным знаменем, Чцхид поспешно вылез из штольни и заторопился домой.

Такое везение раз в жизни бывает. Не упустить бы.

Тесс.

Тесс бежала. Уже задыхаясь, она стрелой мчалась через лес, время от времени оборачиваясь и на бегу ставя позади себя огненную стену. Это мало помогало. Они были все ближе. Она чувствовала их когти, протянувшиеся к ее шее. Они все ближе. Ближе.

Тесс снова обернулась и запустила молнией в ближайшего из преследователей. Тот упал, но их по-прежнему было слишком много, а сил заклинание отнимало немеряно. Тесс бежала. Лес не кончался, не кончалась ночь. Тесс неслась, бездумно и бесцельно, словно загнанный зверь.

А все так хорошо начиналось... Гробница посреди Леса выглядела идеальной: богатой, нетронутой, а главное – безопасной. Тесс три раза оглядела все через кристалл, позволяющий обнаружить следы магии и три раза – через кристалл, выявляющий злые намерения – ничего. Она обнаружила и обезвредила все ловушки – их было не очень много, но и не настолько мало, чтобы это насторожило. Все шло великолепно, усыпальница оказалась усыпанной сокровищами, гроби – не хочу. И дернуло же ее открывать саркофаг!

Саркофаг был прекрасен: выполненный из красного, желтого и белого золота, инкрустированный нефритом, гагатом и александритом, он в деталях отображал тело и молодое, красивое, но строгое лицо усопшего юноши. Тесс понадеялась найти внутри самые дорогие и красивые украшения, быть может даже артефакты. Но когда она откинула крышку, ей показалось, что разверзлись врата в бездну, и оттуда полезли эти ужасные твари. Тесс быстро захлопнула

крышку и наложила заклятье замка, но оказалось поздно – крышку сорвало, и вот теперь Тесс спасается бегством. А они все ближе. Ближе. Неизвестные, черные, холодные, безликие, веющие ужасом и близостью смерти.

Еще одна огненная стена. Еще один упал. Всего один. А силы на исходе. Почему же не кончается Лес? Она бежит уже целую вечность. Больше вечности.

Она не слышала ни их шагов, ни их дыхания, и от этого делалось еще страшнее. Впервые в своей далеко не безопасной профессии, Тесс столкнулась с действительно ужасными и главное абсолютно неизвестными ей, лучшей специалистке по монстрам на всем Самвэре, существами.

Тесс бежала. Каждый шаг давался все труднее. Все тело ломилось, в бок нещадно колотило, горло горело, сердце бешено колотилось где-то в шее и в ушах, а глаза застилала красная пелена. «Это конец», – поняла Тесс за миг до того, как в спину ей вонзились ядовитые когти.

В последнее заклинание она вложила все силы, без остатка. Посреди Леса образовалась выжженная воронка.

Эд Ноппин.

Эд Ноппин с удовольствием покурил трубочку, сидя на облучке своего фургона с товарами. Погодка стояла замечательная: дневная жара уже спала, свежий ветерок нес ароматы трав и цветов, от которых сладко кружилась голова. К вечеру он будет дома...

Этот рейд был удачен – Эд распродал почти все свои товары и даже прикупил себе с выручки новую трубку длиной почти с его руку. Ее-то и покурил он сейчас со вкусом. Добрый табачок, чудная погода, удачные сделки – много ли хоббиту для счастья надо! От удовольствия Эд даже начал насвистывать какую-то песенку. Вот-вот за поворотом откроется родная деревня! За неделю он успел соскучиться по дому.

Прямо над головой Эда пролетела какая-то крупная птица. «Похоже на ястреба», – подумал хоббит, проводив птицу глазами, и вдруг почувствовал, что кто-то теребит его за штанину. Машинально натянув вожжи, Эд глянул вниз и опешил, увидев Клару Хиттенлин, девушку из их деревни. Он, впрочем, не сразу узнал ее: обычно столь опрятная и нарядная, Клара была растрепана, вымазана сажей и сильно заплакана.

– Батюшки, – ахнул Эд, – Клара, что случилось?

Вместо ответа девушка залилась слезами. Эд соскочил с облучка, и, не зная что предпринять, обнял Клару и прижал к себе, не обращая внимания на то, что пачкает свою новую зеленую рубашку. Девушка принялась цепляться за него грязными пальцами и бормотать:

– Эд, Эд... Элфы, элфы... Деревня...

– Что?! – воскликнул Эд, похолодев от страшного предчувствия.

Клара не отвечала, и он сильно встряхнул ее, схватив за плечи. Это не помогло, и Эд (откуда только силы взялись!) буквально зашвырнув Клару в фургон, птицей взлетел на облучок и погнал лошадь. За следующим поворотом открылось пожарище. От родной деревни остались руины. Пепелище, по которому бродили редкие уцелевшие соседи. Эд бросился к ним. Хотя и так все было ясно: элфы. Снова элфы.

Эд остановился на краю деревни, сжал кулаки и произнес негромко, но так, что его услышали на другом конце пожарища:

– Я отомщу!

Внезапно он почувствовал чью-то руку в своей руке. Эд обернулся – рядом с ним стояла Клара. Богиней мщения показалась она ему в этот миг. Он повторил, обращаясь только к ней и к целому миру:

– Я отомщу!

Боги.

– Мура какая-то получается, – задумчиво проговорил Рестестам, – И кого же мне выбрать? – бог сделал паузу, – Скажи мне, Галат, какова вообще цель игры?

Галат растерялся, но, разозлившись на Рестестама за свою растерянность, огрызнулся:

– Не написано. Такова воля Демиурга. Ясно?!

– Ясно, ясно, – примирительно сказал Рестестам, – Но, насколько я понимаю, наших героев ждут опасности и неприятности. Поэтому я выбираю хоббита.

– Почему? – встрял невесть откуда взявшийся Даэрон, бог любопытства. Рестестам презрительно сосредоточил на нем свое внимание, но все же ответил:

– Потому что оный одержим жаждой мщенья и, соответственно, более готов к тому, чтобы бросить все и отправиться играть. Я бы взял девушку, но она погибла, показав тем самым свою некомпетентность и несостоятельность. Нет, Галат, – ответил Рестестам на невысказанное предложение верховного бога, – Я знаю, что мы можем ее оживить. Не надо. А гном трудолюбив и его ждет удача. Я не могу отрывать его. Это не в моих правилах.

– Глупо, – покачал бы головой, если бы она у него была, Марек, бог логики, появляясь вслед за Даэроном, – тебе следовало бы взять Тесс. Не забывай, Рестестам, в команде уже есть эльф, причем, хочу заметить, из числа тех, что вырезали деревню твоего хоббита. Они же глотки друг другу перегрызут. И в этой схватке я поставлю на элфа.

Лэкс при этих словах благодарно сосредоточил свое внимание на Мареке. Этого никто не заметил.

Никому не известно, нарочно ли Марек решил подтолкнуть Рестестама или сказал все это просто так. Боги логики и наживы мягко говоря недолюбливали друг друга и вечно делали все друг другу наперекор. Рестестам с вызовом произнес:

– Я выбираю хоббита!

– Отлично, – метафорически вздохнул Галат, – Третья фигура готова. Осталась последняя.

Из толпы богов свою сущность к верховному богу переместил Ономант, бог мудрости.

– Я готов, – спокойно изрек он, концентрируя свое внимание на Самвэре, яркой картой расстилавшемся внизу.

Внизу 4.

«Охота за знанием»

Астакар.

Астакар был стар. Очень стар. Он сидел на пороге своей пещеры и смотрел как солнце садится в океан. Тысячи раз он это видел, и не переставал удивляться разнообразию и великолепию этого невероятного, невиданного более никем на Самвэре зрелища.

Ветер трепал рубище старика и его длинную белую бороду, гнал дым от костерка и стаи птиц. Астакар думал. Уже много десятилетий он в основном этим и занимался. Думал. Размышлял. Писал трактат «О жизни». Чем больше он узнавал, тем отчетливее вырисовывалось перед ним все неоглядное множество того, чего он не знает и, скорее всего, не узнает никогда. Но Астакару хотелось хотя бы ту малую толику, что ему известна, поведать этому миру.

Астакар знал, что, вероятнее всего, он умрет здесь, в одиночестве, и будет это, возможно, очень скоро. А труд его истлеет или его растащат птицы, утеплять гнезда. Но старец верил, что, если его работа нужна миру, боги не попустят ей пропасть, а если не нужна, то туда ей и дорога. Так думал старец, сидя на пороге своей пещеры и глядя, как солнце опускается в океан.

Велики боги, мудры и неясны смертным помыслы и поступки их. Ни человек, ни какое иное существо неспособно в полной мере понять божество, ибо не в состоянии смертный ум вместить все величие знания доступного богам. Иной мог бы позавидовать богам, но Астакар был слишком мудр для этого. Он понимал, что богам вовсе не так легко живется – многознание умножает печали, а мудрость подразумевает ответственность.

Оранжевый шар коснулся водной глади. Его поверхность прочертили черные силуэты птиц. По морю понеслись их крики.

Астакар перевел взгляд на лежащие перед ним листы, обмакнул перо в чернила и снова задумался.

Во всем есть промысел божий. И в закате, и в величии океана, и в полете птиц, и в гармонии чернильной капли, висящей на кончике его пера. И в нем самом – в его целостности и в то же время в его единстве со всем этим миром. Астакар чувствовал в этот миг себя и солнцем, и морем, и ветром и маленькой чернильной каплей.

Рука дрогнула. Капля качнулась, преодолела притяжение пера и полетела вниз, влекомая девственной чистотой листа – прильнула к нему, дробясь и расплываясь.

Астакар посмотрел на кляксу. Почему она такая? В ней столько гармонии, столько красоты. Секунду назад она была круглой черной каплей, ловившей оранжевый свет солнца выпуклыми боками, а сейчас она растеклась, марая чистый лист бумаги – почему?

Астакар посмотрел на небо. Солнце село, появились первые звезды. Становилось прохладно. Старец встал, кряхтя собрал листы и письменные принадлежности и пошел в пещеру.

Доминга.

Доминге был тесен этот мир. Она была одержима жадной жизни, жадной действия и перемен. Два года назад она с отличием закончила Университет по курсу общей магии и целительства, и теперь странствовала по всему Самвэру, набираясь впечатлений и пополняя багаж знаний. Доминге как никому было ясно, насколько мал и ограничен Самвэр. Ей хотелось большего.

Сейчас Доминга находилась в двух днях пути Вправо от Пограничной реки. Еще немного, и она у цели. У границы мира. Доминге ужасно хотелось посмотреть на нее, а может и попытаться преодолеть. Конечно, она не стала бы использовать магию, чтобы сокрушить границу – этим можно было бы навлечь на себя проклятие богов – но попробовать чисто по-человечески, на авось, пересечь границу-то можно!..

Карантир, вороной конь Доминги, весело рысил по лугам, и настроение у девушки было безоблачное. Неожиданно она почувствовала на лице порыв знойного ветра. Что-то не так было в этом ветре, чудилось в нем нечто чужеродное и враждебное, гонящее прочь. Карантир, очевидно, тоже это почувствовал, потому что непокорно заплясал на месте, явно желая пуститься в обратный путь. Доминга успокоила коня и решительно направила его вперед.

Луг резко, без всякого перехода, превратился в пустыню. Здесь постоянно дул ветер, гнавший все живое от границ Самвэра. Карантир стал на краю пустыни и отказывался сделать еще хоть шаг, несмотря на все понукания. Доминга со вздохом спешила, стреножила коня, переложила большую часть содержимого седельных сумок к себе в рюкзак, похлопала Карантира по шее и шагнула навстречу ветру. И увязла в песке по колено. Несмотря на то, что на луг песок не задувало, здесь он господствовал безраздельно. Доминге пришлось щуриться, чтобы не набрать полные глаза песку. И, хотя она и не открывала рта, песок уже хрустел на зубах, оставляя во рту странный железистый привкус.

Доминга попыталась применить левитацию, чтобы выбраться из песка, но ничего не получалось. Одержимая недобрым предчувствием, она попробовала сотворить светящийся шарик – самое простое заклинание и первое, которое пришло на ум. Безрезультатно. Магия была здесь бессильна. Кто-то другой на ее месте дрогнул бы и вернулся, но не Доминга. Она собрала всю свою волю в кулак и пошла навстречу песчаным тучам. Каждый последующий шаг давался труднее предыдущего. Из-за ветра и однообразия ландшафта девушке казалось, что она стоит на месте. Время исчезло. Все исчезло – был только песок, ветер и сила воли. Доминга очень быстро погрузилось в странное, измененное состояние сознания, какую-то разновидность транса, как отметила крохотная ее частичка, сохранившая способность размышлять. Она шла. Она просто шла. Все потеряло смысл. Она шла, не чувствуя ни усталости, ни голода. Ей надо было идти, и она шла.

Доминге казалось, что она шла целую вечность. Но вот впереди замаячило нечто темное и огромное. Доминга выжала из себя еще десяток шагов, и ветер неожиданно кончился. Было сразу понятно, что это и есть граница мира: абсолютно ровная базальтовая стена уходила неоглядно во все стороны. Возле нее царило безветрие и удивительная тишина. Тишина, какой не бывает.

Волшебница изо всех сил ударила по стене кулаком, потом – ногой. Никакого эффекта. Не было даже звука удара. И боли не было.

Она села на черную землю, прислонившись спиной к границе мира, и устало закрыла глаза. Ну что ж, по крайней мере, теперь она знает, как это выглядит.

Ланкаммонн.

Ланкаммонн подставил ладонь, и на нее мягко и неслышно лег зеленый лист. Эльф посмотрел на него и медленно убрал руку. Лист неторопливо продолжил свое путешествие к земле. Ланкаммонн закрыл глаза и прижался затылком к нагретой солнцем коре старого вяза. Солнце и трепещущая листва рисовали на изнанке век затейливые узоры. Пахло душицей и полынью.

Послышался шелест. Ланкаммонн не открыл глаз – он слышал, он обонял и ощущал стоящего перед ним олененка. Ему не нужно было зрение, чтобы увидеть тонкие ножки, большие уши, темные любопытные глаза и светлые пятнышки на боках.

Эльф чувствовал, как вяз пьет земные соки, как копошатся под корой насекомые, как растут листья и корни и как солнце щедро дарит свет и тепло маленькому игрушечному миру. Ланкаммонн давным-давно понял, что размышлять о смысле жизни, искать его бесполезно, и что самый лучший выход – это слиться с природой, стать ее частью и ощутить ее вечное блаженство.

Что-то испугнуло олененка – Ланкаммонн слышал отрывистый звук его бега, и мог бы по хрусту определить, на ветку какой породы наступил зверек и сколь давно эта ветка упала с дерева. Чуть позже он услышал и причину страха – мимо проползла, шурша прошлогодней листвой, гадюка.

Вся многогранная, разная и кипучая жизнь Леса текла через Ланкаммонна, наполняя его спокойствием и мирным блаженством. Он – часть круговорота жизни, коий есть лишь часть круговорота смерти, который есть часть круговорота жизни.

Ланкаммонн был полон и самодостаточен. Он чувствовал все, а значит ему не требовалось знать. Солнце грело его лицо. Вяз давал опору. Ветер нес ароматы душицы и полыни.

Где-то далеко послышались громкие шаги и голоса, приближавшиеся с каждой секундой. Мимо Ланкаммонна прошла группа молодых элфов, вернувшихся из набега. Они были перемазаны сажей, воодушевлены и веселы, хоть некоторые из них были наспех перевязаны. Радостно галдя, они прошагали мимо, и лишь один из них, шедший последним, обратил внимание на странный вырост на стволе вяза, отдаленно напоминающий фигуру сидящего у корней человека или эльфа.

Боги

.

– Доминга, – спокойно сказал Ономант, – Она молода, полна энергии и готова отправиться навстречу приключениям. Кроме того, она волшебница. Маг в команде должен быть.

Галат выразил согласие и понимание и выключил Домингу из мирового времятока.

– Итак, – провозгласил Галат, – Персонажи готовы. Теперь нужно распределить, кто за кого играет.

Боги постепенно перемещались в пространстве, формируя команды. Расклад вышел такой: за Амелию – Маэртене, Тотон и Стив, бог верховой езды; за Таэнна – Лэкс и Каваскьяск; за Эда Ноппина – Рестетам, Конопель, бог хоббитов, Трээст, бог торговли, и почему-то Локо, богиня теплого ветра; за Домингу – Ономант со своей свитой, составляющей порядка пятнадцати мелких божеств, Хаммертпиллер, бог – пограничник, Ингвар, бог силы воли, Неннекене, богиня странствий, и совсем уж неясно с какой стати, Томора и Иви, бог зеленых холмов. Последнему, правда, просто очень хотелось играть, а в другие команды его не взяли. Он и в эту-то попал, затерявшись в свите Ономанта.

Остальные боги никак не могли поделиться, хотя очень старались.

– Так, – оглядев всю эту сумятицу, изрек Галат, – сдастся мне, командной игры у нас сегодня не получится. Значит так, за Амелию играет Маэртене, за Таэнна – Лэкс, за Эда Ноппина – Рестестам, за Домингу – Ономант. Все остальные тихонько стоят в сторонке, под руку не суются, советов не дают и вообще не мешаются. Всем ясно? Тогда тихо, я читаю!

Потекли томительные секунды. Галат погрузился в изучение правил. Боги нервничали – образно говоря, грызли ногти и переминались с ноги на ногу. Самвэр яркой картой расстилался внизу.

Неожиданно среди богов возникла суматоха. Это внезапно – как всегда! – появилась Заяминко, богиня неприятных случайностей. Ее присутствие, как обычно, не сулило ничего хорошего. Естественно, на собрании богов Заяминко не пускала в ход свою силу – по крайней мере, старалась не пускать, – но все равно она заставляла богов еще больше нервничать. Галат понял, что медлить больше нельзя.

– Заяминко, – начал верховный бог, – как славно, что ты почтила нас своим присутствием. Волей Демиурга тебе уготована в игре немалая роль. На тебя ложится ответственность за случающиеся с персонажами неприятные случайности, как то: возможность заблудиться...

– Эй! – прервал Галата из толпы богов голос Жати, бога-сбивающего-с-пути, – это моя прерогатива!

Галат на мгновение презрительно сосредоточил на Жати свое внимание, но продолжал, как ни в чем не бывало:

– ...вымокнуть под проливным дождем...

– А это уже в моем ведении! – встрял Боэрто, бог сильных дождей.

– ... а также обжечь об утюг указательный палец на правой руке, – заключил Галат и подозрительно посмотрел на Утару, бога высокой температуры, но тот осмотрительно промолчал. Галат удовлетворенно кивнул и вновь сосредоточил свое внимание на Заяминко. Богиня неприкрыто усмехалась.

– Я все поняла.

– Прекрасно, – фигурально кивнул Галат, еще немного покопался в правилах и твердо сказал, – Думаю, мы можем начать игру!

По толпе богов пронесся нетерпеливый вздох. Все внимание сосредоточилось на Самвэре – маленьком, игрушечном мирке, видневшемся сквозь просветы облаков.

Миестле, богиня начала, торжественно уронила платок.

Внизу

.

Амелия, Таэнн, Эд Ноппин и Доминга растерянно смотрели друг на друга. Только что каждый из них испытал сильное головокружение, в глазах потемнело, потом все вспыхнуло искрами, а потом они оказались все вместе в незнакомом месте.

Они очутились на площади, посреди которой был колодец с поилкой для лошадей. На краю колодца стояло мягое жестяное ведро, по краю которого ходила ворона, грохоча по жести когтями и внимательно всматриваясь, поворачивая голову то одним, то другим боком, во что-то на дне ведра.

Ворона на минуту отвлеклась от ведра, разглядывая странную, внезапно появившуюся из ниоткуда, компанию. Невысокая совсем молоденькая девушка с роскошной медово-золотистой косой до пояса и зеленовато-кариими глазами. Высокий жилистый эльф с серо-рыжими волосами до плеч и серо-голубыми глазами. Достаточно высокая девушка постарше со спортивной фигурой, темными волосами, собранными в хвост, и темно-кариими глазами. Полноватый хоббит среднего роста и лет с темными коротко остриженными волосами и красивыми глазами глубокого синего цвета.

Впрочем, ворона не долго проявляла к ним интерес, снова занявшись своим ведром.

Они были не совсем такими, какими она их себе представляла. Но это было неважно. Главное, игра началась.

А они оказались гораздо более настоящими, что ли. Более живыми. Это было странно, но приятно. У Таэнна оказались очень длинные конечности и весь он был какой-то непропорционально длинный, нескладный. Обнаженные руки были худыми. Он вообще достаточно глупо смотрелся в рубашке без рукавов. Да, руки были обвиты тугими жилами, но все равно оставались откровенно тощими, с непропорционально большими кистями.

Доминга... Ну, ее сложно было назвать красивой. Максимум симпатичной. Широкие плечи, узкие бедра, резкие, порывистые движения (хотя Доминга всего лишь переступила с ноги на ногу, пока она смотрела на свои творенья вороньим взглядом). В общем, женственной Домингу было очень сложно назвать.

Вот Амелию стопроцентно можно было назвать женственной. У нее была матовая ровная кожа, высокая, хоть и небольшая грудь, тонкая талия, крутые бедра и действительно роскошные волосы, но... Что-то в ней – может, взгляд, выражение лица или что-то еще, заставляло вспомнить, что «девушка может уехать из деревни, но деревня из девушки – никогда». Красота ее была свежая, цветущая, крепкая и здоровая, но никак не изысканная и утонченная.

А Эд... Эд был хоббит. То есть для человеческого взгляда он по умолчанию походил на толстого волосатого мальчика. Не слишком приятное зрелище для непривычного глаза. Зато у него было умное и какое-то светлое лицо, хотя, опять же, для человеческого взгляда на этом детском лице странно смотрелись густые темные бакенбарды.

Они стояли на площади кругом, лицами друг к другу и какое-то время молча разглядывали друг друга и местность. На площадь выходила ратуша – трехэтажное цилиндрическое здание с узкими окнами-бойницами и тяжелой металлической дверью, сейчас заложеной на засов и запертой на огромный висячий замок. Под соломенной крышей находились массивные, без затей сделанные часы, которые только что закончили бить девять. Эхо последнего удара еще плыло в воздухе, с трудом пробираясь через мутное марево мелкого дождика, противно сыплющегося на головы и плечи персонажей и превращающего утоптанную землю под их ногами в липкую жижу.

Ворона неожиданно быстро сунулась в ведро, но сбила равновесие – ведро с громким лязгом полетело в колодец, волоча за собой тяжелую ржавую цепь и раскручивая скрипучий ворот, а ворона полетела куда-то в сторону, оглашая воздух возмущенным карканьем. Все вздрогнули и молча, не сговариваясь, вошли в один из трех выходивших на площадь трактиров с незатейливой вывеской: «Добро пожаловать, нычехоевцы и гости деревни!». Устроив в дверях небольшую давку и пройдя через всю залу, они, опять-таки вместе, сели за стол у камина и протянули руки к огню.

Вскоре к ним подошел, сияя блестящей лысиной и белоснежным фартуком, полный и жизнерадостный хозяин заведения – человек.

– Чего изволят господа и дамы? – вежливо поинтересовался он. От него так вкусно пахло едой, что персонажи невольно судорожно сглотнули, а руки дернулись к поясам. Далее последовала весьма позабавившая хозяина сцена одновременного заглядывания в четыре кошелька, производящегося с синхронным выражением крайнего удивления на лицах – каждый из персонажей неожиданно обнаружил у себя на поясе кошелек с приличной суммой.

Первой опомнилась Амелия – она звучно шлепнула на стол золотой и с некоторым вызовом в голосе произнесла:

– Еды и вина. Хорошего. Горячей. На все!

Почти сразу после этого с почти теми же словами на стол бухнулись еще три золотых. Хозяин про себя улыбнулся, сгреб со стола деньги и поспешил выполнять заказы.

Через некоторое, не такое уж и маленькое, время Доминга сидела, привалившись к Таэнну, который, обнимая ее за плечи, уже в седьмой раз за вечер спрашивал:

– Так как, ты говоришь, тебя зовут?

Доминга уже давно перестала отвечать на этот вопрос, так что она только захохотала в кружку, аж брызги полетели во все стороны.

Эд Ноппин спал на коленях у Амелии, которая, время от времени прикладываясь к стоящему перед ней большому кубку с красным вином, громко жаловалась хоббиту на жизнь, не замечая, что ее собеседник давно отвечает ей лишь богатырским храпом. Впрочем, слушать было действительно нечего – затуманенный непривычный к алкоголю разум еще не вполне понял одну достаточно важную вещь. А именно – что большая часть воспоминаний куда-то исчезла. Так что Амелия раз за разом повторяла какие-то невнятные жалобы.

Кроме персонажей в трактире выпивало еще несколько более или менее шумных компаний, так что особого внимания они к себе не привлекали.

Хозяин и две его дочери совсем забегались, разнося заказы. По трактиру плыл чад, запах пота, пролитого пива и крепкого табака. Изредка раздавались громовые взрывы хохота или нестройное хоровое пение.

Неожиданно Эд Ноппин проснулся и нетвердо пошел к одной из групп, как раз затянувшей «Плакучую иву» – подошел и стал подпевать. Его заметили, посадили на скамью и налили пива. Хор грянул громче: песню любили, и ее затягивали все новые и новые голоса.

Амелия наконец-то заметила отсутствие своего товарища. Она толкнула локтем Домингу под ребра и нетвердо прокричала – иначе ее не услышали бы в гаме:

– Эд пропал!

– Не, – мотнула головой волшебница, – Вон он! – и, указав на хоббита пальцем, она тоже запела.

Еще через некоторое время – куплете на тридцать восьмом – пел уже весь трактир.

Боги.

– Плакучая ива, плакучая ива, что ветви склонила над домом моим?.. – машинально выводил Галат припев, глядя на происходящее внизу.

– Н-да, – неожиданно прервала пение верховного бога резкая мысль Галаты, – Ерунда какая-то получается!

– Где? – не в тему поинтересовался Даэрон.

– Там, – коротко ответила Галата, указав вниз.

– А что не так? – удивилась Маэртене.

– Все не так, – строго ответила Галата, – Во-первых, ни один из вас не играл. Вы все просто смотрели, как ваши персонажи предаются всяческим порокам, что для обывателя непохвально, а для персонажа недопустимо. Во-вторых, – этот упрек относился лично к Галату, – какой же это квест? Квест – это приключение, накал страстей, а это? Попойка не может быть квестом, – строго заключила верховная богиня.

Галат хотел было возразить, но не решился спорить со своей половиной в столь многочисленном окружении, небезосновательно опасаясь за свой авторитет, поэтому просто сказал:

– Исправлюсь.

– Я тоже, – несколько ехидно добавила Заяминко.

– Ну вот и прекрасно, – твердо сказала Галата, сосредоточив на Заяминко испепеляющее внимание. По силе богини неприятных случайностей внимание не дошло до цели, испепелив неожиданно вынырнувшего откуда-то Хакере, бога приливов. Его брат, бог отливов, буйный Ереках, полез было возмущаться, но Галата и Заяминко одновременно сконцентрировали на нем свое внимание, причем так, что бог отливов решил больше не высовываться до конца игры, тем более, что его брата бог-регенератор Шандор уже восстановил.

Внизу.

«Плакучая Ива» наконец-то кончилась, и персонажи услышали позади себя довольно громкое покашливание, явно производимое с целью привлечения внимания. Обернувшись, они увидели невысокого крепко сбитого человека в кирасе, шишаке и с повязкой «Нычеховская милиция» на рукаве.

– Приключенцы? – поинтересовался он без особой доброжелательности.

– Возможно, – ответила ему Доминга, подавляя зевок, – А что?

– Велено явиться к мэру. Немедленно.

– Ночью, – поднял бровь Таэнн.

– Уже давно утро, – поджал губы служака.

– Утро?! – воскликнул Эд Ноппин, – Я хочу спать! – и он лег на лавку. Амелия тяжело села рядом с ним, растеклась по столу и вяло спросила:

– А зачем мы мэру?

– Ясное дело, зачем, – солдат явно удивился, – Квест даст. Вы ему на то и приключенцы, чтобы выполнять всяческие задания, а он вам на то и мэр, чтобы вам задания давать.

– А зачем нам квест?.. – совсем сонно поинтересовалась Амелия.

– Денег дадут, – Таэнн первый понял, что пахнет наживой. Он поднял Эда и Амелию за шкурки и поставил более-менее вертикально.

Доминга потеряла виски. Все-таки она перебрала. Да и не она одна, судя по всему. Крепко на ногах держался только элф. Девушка – Амелия, с трудом вспомнила волшебница – совсем засыпала на ходу. Да и Эд выглядел немногим лучше, хотя Доминга была наслышана о фантастической сопротивляемости хоббитов алкоголю.

Но к мэру надо было идти. Им всем что-то подсказывало, что надо (это боги обратились к Коноросане, богине чувства долга).

И они пошли. Солдат завел их в вышеописанную ратушу, но не через парадную дверь, выходящую на площадь, так как ключ от нее был давно утерян, а через маленькую дверцу сзади – Таэнну пришлось согнуться почти пополам, чтобы пройти.

Ратуша оказалась одним из тех таинственных зданий, которые изнутри гораздо больше, чем снаружи. Приключенцы долго шли по темным коридорам, невероятно пыльным и захлавленным. Спяну они то и дело натыкались на горы сваленных в кучи самых разнообразных предметов – от мешков с зерном до чучела ястреба, поднимали тучи пыли и хором чихали.

Наконец, все они подошли к двери, на которой красовалась большая черная табличка с золотой надписью: «Мэр Нычьего Хоя. Прием граждан по вторникам и четвергам с 10:00 до 16:00».

– А выдача когда? – хмыкнул Эд Ноппин, прочитав табличку. Но его шутку никто не оценил. Амелия и Таэнн не умели читать, а Доминга, прочитав табличку, погрузилась в серьезные размышления на тему: «Нычий Хой... Какого черта я тут делаю?». Впрочем, думать почему-то было необычайно сложно. Тем более, что тем временем сопровождающий их ополченец поправил ремень и постучал в дверь. Из-за двери донесся приятный баритон:

– Да-да!

– Приключенцы к господину мэру! – провозгласил солдат, распахивая дверь.

Персонажи вошли и оказались в небольшом, но очень уютном кабинетике, залитом утренним светом из большого окна. Хозяин кабинета оказался невысоким пузаном с добродушной физиономией. Он радушно спешил навстречу приключенцам с распростертыми объятиями:

– Здравствуйте! Проходите! Садитесь! Как хорошо, как чудесно, что вы здесь!

Впрочем, учуяв густой спиртной дух, исходящий от героев, мэр несколько поубавил пылу, сел за свой стол и сдержанно кивнул на стулья перед ним:

– Присаживайтесь.

После этого он покопался в столе, достал небольшую темную бутылку и четыре рюмки и налил в каждую понемногу густой темно-красной жидкости.

– Выпейте, пожалуйста.

– Эт что? – спросила Амелия.

– Эликсир Фрара, – ответила за мэра Доминга, потирая висок, – Мощное отрезвляющее, однако...

Мэр улыбнулся Доминге и придвинул к ним рюмки. Приключенцы выпили, и несколько минут пребывали под воздействием недоговоренного «однако» Доминги – они протрезвели слишком быстро, протрезвели окончательно, так что все муки похмелья сжались в эти несколько минут. Чудом никого не вырвало, хотя мэр аккуратно наполовину вытянул из-под стола таз.

Когда они немного отдышались, мэр налил всем воды и сказал:

– Думаю, теперь мы можем поговорить.

– О чем нам разговаривать? – пробурчал Таэнн, – Я б лучше сам протрезвел!

– Да уж, – Доминга с трудом отхлебнула воды, – Я слышала, что от фрарины плохо, но чтоб так...

Мэр поджал губы и заговорил, обращаясь преимущественно к Эду Ноппину, который, похоже, перенес неожиданное отрезвление легче всех:

– Вы невероятным образом появились у нас здесь, в славном Нычьем Хое, несомненно посланные богами нам на помощь. Дело в том, что в нескольких часах езды от славного Нычьего Хоя находится деревня Глухово. Точнее, можно сказать, находилась, – с этими словами мэр что-то повернул у себя под столом, и находящийся у него за спиной участок стены с двумя портретами, очевидно, родителей мэра, поднялся, явив взорам собравшихся подробную карту Самвэра. Мэр развернулся на стуле и принялся тыкать в карту длинной указкой:

– Вот это – Нычий Хой, а вот – Глухово. Дело в том, что у нас прежде были достаточно развитые с ним связи – торговые, а у некоторых и родственные. В последнее же время – около недели – из Глухово не поступает никаких вестей. Никто из глуховцев не приезжал к нам, а те нычехоевцы, что поехали туда – не вернулись. Было бы очень мило, если бы вы съездили и посмотрели, что там произошло. Естественно, за определенное вознаграждение. Лошадей я вам дам. По рукам?

– А почему мы? – удивился Эд Ноппин.

– Ну как же! – не менее удивленно ответил мэр, – Вы же приключенцы!

– Мы согласны, – вдруг сказала Доминга. Похоже, из всех пока только она начала привыкать к навязанной им роли.

– Мы согласны, – подтвердил Таэнн. Дело пахло выручкой.

– Мы согласны, – просто так, за компанию, сказала Амелия.

Но мэр, похоже, ждал подтверждения от Эда Ноппина, и тому ничего не оставалось, кроме как сказать:

– Мы согласны!

– Ну вот и прекрасно, – просиял мэр, – Что вам нужно с собой? Обычно приключенцы берут вот что, – и мэр, покопавшись в недрах стола, извлек свиток пергамента и протянул его Эду. Тот взял свиток, развернул его – и пергамент потек по полу, стремясь вернуться на место – под стол к мэру. Эд принялся просматривать список. То же самое делала поверх его головы Доминга. Таэнн и Амелия просто смотрели на коллег и список.

– Так, – бормотал тем временем хоббит, – веревка, фонари, масло для фонарей, – да, дело полезное. Так-так. Сухие пайки, аптечки, микстуры, змеиные шкурки, слизняки, мел... так, без

проституток мы, пожалуй, обойдемся, без катапульта тоже. Хорошо, хорошо. Хм, серебряные наконечники для стрел? – Эд вопросительно посмотрел через плечо на Домингу. Та кивнула:

– Нужны.

– Да-да, – подтвердил мэр, с нетерпением наблюдавший за чтением списка, – а вдруг там нечисть?

При мысли о нечисти Эда передернуло. Он смотал список и протянул его мэру со словами:

– Прекрасно. Берем все, – помолчал и добавил, – Кроме проституток, катапульта и боевого слона.

– Замечательно! – обрадованно воскликнул мэр, – А то, вы не поверите, у нас как раз на прошлой неделе сдох последний боевой слон. Объялся, бедняга, незрелой ежевики, – и мэр украдкой перевел дух, потому как боевых слонов в Нычьем Хое отродясь не было.

Через некоторое время приключенцы сидели в седлах. Эд Ноппин верхом на пони держал под уздцы второго, вьючного, пони, Доминга шарила по карманам, проверяя амулеты и материальные компоненты, Таэнн пересчитывал свежеполученную сотню золотых монет городской чеканки, а Амелия грызла ногти. Мэр торжественно произносил прощальную напутственную речь. Наконец, он закончил, перевел дух и осенил приключенцев священным знаменем Итаж, бога-путеводителя. Кавалькада тронулась в путь, и скоро из вида скрылись и радушный мэр, и вышедшие проводить их жители, и сам славный Нычий Хой.

До деревни было недалеко, приключенцы не торопились, дорога текла плавно, солнышко начинало пригревать, бессонная ночь давала о себе знать, и приключенцы начали задремывать в седлах. А лошади будто знали, куда держат путь и сами спокойно рысили вперед.

Боги.

– Как вы думаете, – прозвучал среди всеобщей напряженной тишины голос Цеенели, богини воспоминаний, – когда можно будет восстановить им память?

– Да, и перестать постоянно внушать им, что они должны идти туда, куда им велят? – добавила Коноросана, – Они же сопротивляются. Весьма, надо сказать, непокорные натуры.

– Ага, я уже устала удерживать их, – жалобно поддакнула Феенель, богиня амнезии.

– Цыц, бабы! – рявкнул на них Галат, – Если мы сейчас снимем с них амнезию, они пере-режут друг другу глотки. А если мы разрешим им идти, куда они хотят, они просто разбегутся. И игра кончится. А вы себе представляете, что будет, когда кончится игра?

Повисла напряженная тишина. Повисела – повисела, смутилась и исчезла. Что будет, когда кончится игра, знали все.

Внизу.

Амелия проснулась от неожиданного толчка. Повертела головой и поняла, что все лошади остановились, а все ее новые товарищи встрепнулись и смотрят вперед. Она тоже посмотрела. Перед ними высилось что-то непонятное. Больше всего это походило на кусок темноты, вырезанной из ночи и поставленной посреди яркого дня.

Молчание прервала Доминга:

– Похоже, теперь это и есть Глухово. Ну что ж, вперед!

Лошадей им так и не удалось уговорить сдвинуться с места. Пришлось спешиваться, спутывать перепуганных животных и самим идти в этот весьма непривлекательный кусок темноты.

Темнота постепенно наступала, наступала – и поглотила их целиком. Исчез яркий солнечный день, исчезла зеленая трава, пропали, будто и не было никогда, лошади. Под ногами была безжизненная сухая земля, по сторонам – молчаливые дома, глядящие на пустую улицу мертвыми глазницами окон. И было ужасно неуютно. Кажется, даже холоднее, чем снаружи.

Амелия задрала голову. Небо было темно-серым, как пасмурной ночью. Ни солнца, ни звезд. Она поежилась.

Не было слышно ни звука. Не было ни дуновения ветерка. И был запах. Станный запах – затхлый и опасный одновременно.

Всем было не по себе. Доминга то и дело передергивала плечами. Она ощущала присутствие чуждой, злой магии как холодный взгляд, буравящий ее позвоночник. Таэнн, чувствительный как все элфы, прядал ушами, что твой конь, но никто даже не обратил на это внимания.

Они шли и шли вперед. Стояла гнетущая тишина. Затхлый воздух не давал дышать полной грудью. Деревня все не кончалась. Они шли и шли.

Эд Ноппин как раз начал думать о том, что неплохо было бы перекусить и пожалел, что так мало еды они переложили себе в рюкзаки с вьючного пони, а Доминга и Амелия, не стовариваясь, заподозрили, что ходят по кругу, когда вдруг на дорогу перед ними выскочило нечто. Нечто отдаленно напоминало человека, но вот что надо было сделать с человеком, чтобы довести его до такого состояния, никому не захотелось даже представлять.

Опираясь на землю костяшками пальцев непомерно длинных рук, существо медленно двигалось к ним, что-то невнятно бормоча с повизгиванием и распространяя зловоние. Вид тощего тела, покрытого лохмотьями, корками грязи и космами полуседых волос был настолько отталкивающим, что приключенцы невольно отступили на шаг.

Сзади раздалось такое же повизгивание. Таэнн быстро оглянулся через плечо – там было такое же существо. Еще одно появилось справа.

Приключенцы сомкнулись в кольцо, прижавшись друг к другу спинами.

– Может, попробовать с ними договориться? – робко предложил Эд Ноппин, но и сам понял глупость этой идеи еще до того, как договорил фразу до конца.

Таэнн медленно потянул мечи, висевшие у него за спиной крест-накрест.

Стоявшее перед Амелией существо неожиданно пронзительно завизжало и кинулось в атаку, выставив длинные когти. Амелия завизжала еще громче и, молниеносно выхватив швыральный нож откуда-то из рукава, метнула его, ловко угодив чудищу в глаз. То взвизгнуло и упало, корчась и пытаясь выдернуть нож, но только полосую лицо когтями.

Все это событие, развернувшееся в три биения сердца, послужило сигналом к атаке. Таэнн выхватил мечи и ринулся на стоящего перед ним врага. Тот неожиданно увертливо метнулся элфу под руку и, прежде чем тот достал его вторым мечом, развалив пополам, успел полоснуть по руке когтями.

Эд Ноппин к тому времени снял уже троих, полезших из-за изб, из арбалета. Амелия швырнула еще два ножа, но только один из них достиг цели, угодив в руку одному из существ. Доминга только закончила наговаривать приличных размеров файербол.

И вдруг наступила тишина. Доминга торопливо схлопнула файербол, который чуть не попал по Таэнну, по инерции провернувшись на месте. Атака кончилась. Они были одни на улице, заваленной трупами, разлагающимися на глазах. Они таяли, исходили прахом, и забрали с собой ножи.

– Мои ножи! – воскликнула Амелия.

– Забудь, – посоветовала Доминга, – даже если ты их найдешь, трогать не советую. Пойдемте-ка. И постарайтесь не прикасаться к ним. Никто не ранен?

Амелия и Эд Ноппин замотали головами. Таэнн хмыкнул и спрятал руку за спину.

Впереди вдруг послышался шум. Первым его услышал Эд Ноппин, у которого этот шум непосредственно ассоциировался почему-то с праздником Весны. Пока хоббит думал, в чем же причина подобного сопоставления, насторожились и остальные приключенцы, а откуда-то из-за домов показалась голова процессии. Вид ее наводил на мысль, что тело ее многолюдно, а хвост еще очень далеко отсюда.

Во главе процессии шли около пятнадцати существ, подобных тем, с которыми они недавно сражались, но более крупных и крепких на вид. В руках они несли что-то вроде стягов с грубо намалеванным на них изображением клыкастой пасти. Вслед за ними шагали еще порядка двадцати крупных существ, одетых в кольчуги и вооруженных ятаганами. За ними маленькие и слабые существа, которых было, наверное, около ста, несли на плечах огромный паланкин, который претендовал бы на роскошь, если бы не был таким грязным и оборванным.

Все это приключенцы разглядывали из-за забора, за который быстро спрятались, когда процессия только показалась из-за угла. Мимо них прошагали знаменосцы, затем солдаты, но когда мимо несли паланкин, ветхий забор не выдержал давления четырех тел, и с грохотом, подняв тучи пыли и задавив пятерых носильщиков, рухнул на дорогу. Заяминко на небесах улыбнулась возмущенному Керте, богу заборов.

Приключенцы рефлекторно посунулись за забором и выбежали на улицу, оказавшись непосредственно перед паланкином.

Первым сориентировался Таэнн – прежде чем солдаты успели что-то сообщить, а носильщики так даже остановиться, он птицей влетел в паланкин, сгреб находившееся там существо и приставил ему к горлу нож. Амелия влетела в паланкин вслед за элфом, но увидев кого он держит, ахнула, взвизгнула, села и спиной вперед отползла в дальний угол. Услышав визг, Эд Ноппин также запрыгнул в паланкин, а Доминга запустила в солдат и носильщиков простейшим маленьким файерболом. Результат был поразительный: вместо того, чтобы сгореть, эти странные существа стали падать одно на другое. И, кажется, умирали при этом. Об носильщиков стали спотыкаться тащившиеся сзади (а их было еще около двухсот) – падали... и тоже умирали. Остолбневшая от удивления Доминга неожиданно обнаружила что в живых на этой улице осталась только она и пятнадцать ошеломленных знаменосцев. Она передернулась и откинула занавеску паланкина, оказавшуюся после падения носильщиков с ней на одном уровне, и очутилась нос к носу прямо с зеленым Эдом. Хоббит упал на колени, и его бурно вырвало прямо бы Доминге на сапоги, не успей она вовремя убрать ногу.

Доминга подняла глаза и увидела, что вызвало у Эда такую реакцию. Перед ней стоял Таэнн – эльф тоже с трудом сдерживал подкатывавший к горлу завтрак – и держал нож у горла... человека. Н-да, наверное, это когда-то было человеком. Хотя кто знает. По-крайней мере, сейчас это выглядело даже не как труп, а как труп человека, которого перед смертью жестоко пытали, а после смерти он был съеден воронами, которых потом им стошнило. Примерно так. Только еще хуже. Пахло, кстати, соответственно.

Сидевшая в углу паланкина мертвенно-бледная Амелия, как ни странно, первой обрела дар речи и, лишь чуть-чуть заикаясь, спросила:

– Что... Что ЭТО?

Остальные приключенцы, в том числе вернувшийся и неприятно пахнувший Эд Ноппин, молча воззрились на нее с одинаковой смесью ужаса, омерзения и немного вопроса в глазах. Неожиданно в паланкине раздался новый голос, низкий, но в то же время пронзительный, распространивший ужасающий смрад и вопросивший с изрядной долей сарказма:

– Я?

Амелия сглотнула и кивнула.

– Ну, если вам так интересно, – продолжал труп. В паланкине постепенно становилось нечем дышать, – меня зовут Такарима. Я, как вы могли бы догадаться, маг.

Амелия посмотрела сперва на Домингу, затем, опасливо, краем глаза, на Такариму. Определенно, маги, выглядящие как Доминга, ей нравились гораздо больше.

– Догадалась, – твердо сказала Доминга, – также как и о том, что ты мертв. И мы можем лишиться тебя этой твоей полужизни, как уже лишили твоих слуг.

Гримасу, появившуюся на остатках лица Такаримы с большой натяжкой можно было расценить как ухмылку.

– Ах, вы об этих... В них я практически ничего не вложил. Глупые, серые люди, недостойные жизни после смерти. Деревня, одно слово. Вы правильно сделали, что убили их. Они мне уже надоели. Скучный материал. Нет, теперь я буду действовать по другому. Иногда ведь бывает важно не количество, а качество, правда ведь? – и он улыбнулся Амелии. Девушка судорожно сглотнула.

– А зачем?.. – Доминга не договорила вопроса, но Такарима ее понял.

– Моя цель банальна до гениальности. Я хочу власти над миром. Над всем миром. Ясно?

– Ага, – кивнула Доминга, – почему же банальная? Очень благородная и грандиозная цель.

– Я рад, что ты меня поддерживаешь, девочка, – улыбнулся Такарима снова, – но файербол свой оставь в покое, ничего у тебя не получится.

– Прирежь его, Таэнн! – взвизгнула Доминга, которая обнаружила, что Такарима прав.

Элф дернулся, и вроде бы даже полоснул ножом, но «останки мага» протянул руку назад, легко схватил эльфа как котенка и, без усилия подняв над головой, грохнул перед собой. Элф перекатился на плечо и смягчил падение, но все равно паланкин ощутимо вздрогнул.

Такарима встал – и почти уперся головой в полотняный потолок, до которого Таэнн едва ли достал бы кончиками пальцев, стоя на цыпочках. Приключенцы проследили взглядами за процессом его вставания, медленным и неумолимым, как лавина, и только у Эда хватило живости мыслительных процессов попытаться спиной вперед выскочить из паланкина. К его вящему удивлению, полотняный полог упруго подался и кинул его прямо Такариме под ноги, даже не подумав открываться.

Что произошло после этого, приключенцы не помнили. Спустя некоторое время они обнаружили себя запертыми в тесном темном помещении без окон, с земляным полом и сильным запахом прелой картошки – судя по всему, в подвале одного из домов.

Подвал был низкий – встать во весь рост мог только Эд – и тесный – Таэнн без труда доставал руками до противоположных стен, не сходя с места, что выяснилось, когда эльф вздумал потянуться, ударился кулаками о стены и долго ругался. Простукав стены, пол и потолок, приключенцы пришли к выводу, что единственным выходом была крепкая деревянная крышка прямо над их головами. Выбить ее не удалось.

– Врежь по ней файерболом, Доминга, – предложил Таэнн после того, как обстучал об крышку все локти.

– Не могу, – покачала головой волшебница, – Места мало, сгорим все вместе с крышкой.

– Ну еще чего-нибудь наколдуй!

– Придумай чего – наколдую! Только учти, у меня ни амулетов, ни компонентов!

И в самом деле, все их вещи исчезли. После долгого копания по карманам Доминга собрала компоненты достаточные для заклинания удержания, но смысла в нем не было никакого, так что теперь приключенцы сидели по углам и лениво играли в слова. Больше заняться было нечем.

Так прошло около двух часов. Было очень душно. Все порядком проголодались. Эд начал потихоньку клевать носом, а Доминга всерьез беспокоила насчет невозможности сходить в туалет.

Вдруг Амелия взвизгнула.

– Ты что? – встрепенулись все.

– Я... Под меня что-то потекло! – девушка незряче попыталась отодвинуться от мокрого места. Таэнн протянул руку, сгреб ее в охапку и притянул к себе.

– Это не я, – виновато сказала Доминга.

Тем временем эльф, как единственный видящий в темноте, отодвинул Амелию в сторону и склонился над углом, где она сидела, затем ощупал что-то и сказал:

– Здесь дырка. Из нее льется вода. Холодная.

Не успели приключенцы осмыслить происходящее, как раздался еще один крик – на сей раз это был Эд.

– Опять вода?

– Нет!!! – истерически проорал хоббит, – По мне что-то ПОЛЗАЕТ!

Тут же раздался звук удара. Таэнн брезгливо отряхнул руку и сквозь зубы процедил:

– Пауки.

– Снизу – вода. Сверху – пауки, – тихо и очень напряженно сказала Амелия. Она тоже была близка к истерике, – Он убьет нас страшной смертью, а потом заставит служить ему! – и она разрыдалась.

– Тихо! – рявкнул на нее Таэнн, – Мы выберемся! Что ты делаешь? – этот вопрос относился к Доминге, которая что-то сосредоточенно считала на пальцах. Та не ответила.

Вода прибывала. Она уже дошла до лодыжек Эду, который стоял посреди подвала, то и дело чесался и нервно крутил головой. Там же стояла на коленях Амелия, то и дело передергиваясь и всхлипывая.

– Таэнн, – подала голос Доминга, – Поймай мне, пожалуйста, паука побольше.

Эльф не стал говорить, что каждый спускающийся паук был крупнее предыдущего, он просто схватил из-под крышки существо размером с кошку и сунул в руки волшебнице.

– Что это?! – взвизгнула та.

– Эт здесь пауки такие, – прошипел Таэнн, отрывая пауку жвалы, которыми тот уже изготовился цапнуть Домингу за руку, – Ты давай колдуй быстрее, а то следующий, боюсь, к нам просто не пролезет.

Доминга сглотнула и сказала:

– Дайте мне что-нибудь железное.

После некоторой ревизии ей дали два шурупа, нашедшиеся у Эда в кармане.

– Отлично. Теперь молитесь.

– Кому? – робко спросила Амелия.

Доминга не ответила. Послышался хлопок, вода под ногами стала горячее, а волшебница протянула Таэнну железного паука со словами:

– Используй его как рычаг и ломай крышку. Только быстро. Чар надолго не хватит.

Эльф в момент всунул ноги паука в щель между крышкой и потолком и налег, что было сил. Паук хрустнул и развалился, но лучше было другое – доска не выдержала и треснула, и от нее откололся кусок где-то с ладонь размером. В отверстие проник свет. Таэнн тут же просунул

руку наружу и попытался расшатать доску, но она держалась крепко. Эльф втянул руку обратно и локтем ударил по доске снизу, но и это не помогло.

Остальные в это время били пауков. Привыкшим к темноте глазам хватило этого скудного света, чтобы рассмотреть, что пауки умирают, попадая в воду – она и впрямь была такой горячей, что приключенцы с трудом стояли в ней, а для пауков эта температура была смертельна. Так что, преодолев страх, Амелия, Эд и Доминга стряхивали огромных пауков со стен в воду голыми руками, а Амелия даже размазала кулаком по стене один особо крупный экземпляр, у которого почти получилось ее укусить.

Таэнн сражался с доской.

– Дай-ка я! – неожиданно резко сказала Амелия, – Подвинься!

И она встала на четвереньки, погрузившись по шею в горячую воду, полную трупов пауков, и, немисливо извернувшись, ногой врезала по крышке. Доски взорвались щепой, и образовалось отверстие, сквозь которое мог бы пролезть ребенок, но не взрослый...

Таэнн моментально схватил Эда, которому вода дошла уже до пояса, и пропихнул его в дыру. Хоббит ободрал уши и живот, но благополучно вылез наверх, оказавшись в большой полутемной комнате один на один с амбарным замком, удерживавшим его товарищей в плену. Порывшись по карманам, хоббит извлек махонькую отвертку и принялся ковыряться в замке.

– Быстрее, Эд! – донесся снизу умоляющий голос Амелии. Но хоббит и так старался изо всех сил.

Наконец, его усердие взяло верх: замок щелкнул и неохотно открылся. Эд откинул засов, и его чуть не снесло взлетевшими остатками крышки. В мгновение ока все приключенцы оказались наверху.

– Ну что ж, – сказал Таэнн, прихлопнув на себе паука и взвешивая на руке замок, – пойдём теперь поищем того поганца!

– А что мы ему можем сделать? – спросила Амелия, выжимая косу.

– Она права, – Доминга пыталась отжать на себе штаны, – он уже и так мертвый. Боюсь, его можно убить только благословенным предметом. Или пучком укропа. Ну, разумеется, если разрубить его на части, его это на время обездвигит.

– Вот я его сейчас обездвигну! – пообещал Таэнн, перекидывая замок из руки в руку.

Доминга пожалала плечами, и приключенцы вышли из дома, оказавшись на знакомой улице. А прямо перед воротами стоял Такарима...

Таэнн заревел и прыгнул на него, метя замком в левый висок. Такарима поднял было руку, но неожиданно раздался пронзительный крик Амелии:

– Благословляю!!!

Такарима вздрогнул и замер, и удар эльфа достиг цели во всю силу. С черепа мага слетели остатки скальпа, а сам он полетел на землю. Таэнн оказался на нем сверху и принялся молотить замком куда попало. Но это мало помогло. Такарима начал вставать.

Доминга торопливо соединила компоненты и метнула заклинание удержания. Таэнн застыл. То ли волшебница промахнулась, то ли так сработала защита Такаримы, но тот легко смахнул с себя неподвижного эльфа и, ухмыляясь голым черепом, направился к Амелии и Доминге, смотрящим на него заворуженно, как кролики на удава.

И тут случилось невероятное. Такарима остановился. Вздрогнул. Рассыпался и истаял прахом.

А позади него обнаружился Эд Ноппин, бледный, взволнованный, с большим пучком укропа в руках.

– Где ты его взял, Эд? – спросила Доминга.

– В огороде, – ответил хоббит несколько невнятно, потому что на нем повисла рыдающая от пережитого страха Амелия.

Тут их слуха коснулись странные звуки. Жалобные и агрессивные одновременно. Амелия в испуге прижалась к Эду, а Доминга огляделась и поняла, что звуки эти издает забытый всеми Таэнн, все еще находящийся под действием заклятья. Доминга быстро сняла чары, и эльф, растрепанный, пыльный и похожий на взъерошенного кота, присоединился к остальным. Он хлопнул Эда по плечу так, что тот чуть не упал:

– Герой!

И тут они скорее почувствовали, чем услышали, глухой шум, шедший, казалось, из-под земли. Амелия, стоявшая лицом к дому, где их держали в заточении, вдруг поняла, что тот стал гораздо ниже, чем был и ... ближе. Прежде чем она успела понять, в чем дело, дом рухнул, обдав их пылью и потоком щепок. Где-то вдалеке послышался еще один удар.

– Бежим! – закричал Таэнн, локтем закрывая глаза.

Приключенцы понеслись по улице. Позади них, один за другим, рушились дома и заборы. Охнул Эд, которому доской попало по ноге, взвизгнула Амелия, которой отлетевший гвоздь вонзился в руку.

Наконец, они выбежали из деревни и, к своему великому удивлению, обнаружили прямо перед собой своих лошадей, и даже выючного пони.

Доминга подошла к своему гнедому, хлопнула его по шее и полезла в седельную сумку за травами, после чего занялась рукой Амелии и синяками Эда.

– Таэнн! – окликнула волшебница эльфа, спрятавшегося за своей кобылой и что-то разглядывавшего, – Тебе помощь не нужна?

Эльф в ответ буркнул что-то невнятное, так что Доминга пожала плечами и пошла переодеваться.

Таэнн же, на самом деле, решал непомерно сложную для него задачу. Он смотрел на свои мечи. Да, это точно были его мечи, под его ладони были вытерты рукояти, он знал каждую зазубринку на лезвиях. Но откуда же они могли тут взяться? Как же они могли оказаться притороченными к седлу, если он брал их с собой и их отобрал этот поганец? При мысли о Такариме Таэнн досадливо поморщился. Подозрительная была вся эта история, и его роль в ней совершенно не героическая.

В конце концов, Таэнн вознес короткую молитву Каваскъяску и решил оставить все как есть. Он приторочил мечи обратно и подошел к остальным:

– Поехали отсюда. Мне здесь не нравится.

Все обернулись и посмотрели на Глухово, точнее, на оставшиеся от него руины, выглядевшие так, как будто деревню разбомбили лет пятьдесят назад.

После чего приключенцы наскоро привели себя в относительный порядок, пришли к выводу, что поедят по дороге, сели на лошадей и направили их в сторону Нычьего Хоя, где их с победой ждал мэр с наградой.

Боги.

– Укроп, значит. Мило-мило. Чья идея? – и верховный бог подозрительно сосредоточил свое внимание на Ономанте.

– А что ты имеешь против укропа? – поинтересовался бог мудрости, – Я должен был играть – я и играл. А укроп – это было единственное, что в огороде оставалось.

– Против укропа я ничего не имею. Я имею против кустарщины, – не слишком складно выразился Галат, – Ладно, квест засчитан, но такой топорной работы я больше никому не прощу! Кстати, откуда он вообще взялся, этот труп ходячий?

– Да мой он, – смутился Ономант, – Не мой, точнее, у брата попросил.

Повисла напряженная пауза. О брате Ономанта, Некроманте, в приличных кругах старались даже не упоминать.

– Позор, – тяжело вздохнул наконец Галат, – Какой позор. Ладно, играем дальше...

Внизу.

– Этого не может быть! – в сотый раз повторил Таэнн, теребя поводья. Конь под ним, чуя беспокойство седока, храпел и вздрагивал.

– Заткнись, а? – тихо сказала Доминга, – И без тебя тошно.

Приключенцы сидели в седлах. Перед ними была вода. Набежали тучи, и во все стороны расстилалась свинцовая гладь, слегка подернутая рябью. Где-то перекликались утки. Пахло рыбой и водорослями.

– Этого не может быть! – сказал Эд Ноппин. Все развернулись и посмотрели на него. Амелия с ядом в голосе спросила:

– Ты ничего поумнее сказать не мог?

Доминга сидела и смотрела на солнце, похожее сквозь толстый слой облаков на серебряную монету. Приходилось признать: они заблудились.

Одной из глобальных проблем Самвэра является крайняя сложность ориентирования. Солнце Самвэра неподвижно – оно висит над ним все время в зените, причем в зените везде, независимо от географической точки вашего местонахождения, и тускнеет к вечеру, исчезая ночью и заново разгораясь с утра. Правда, тени при этом к вечеру почему-то удлиняются.

А еще поговаривают, что где-то в Нижних областях бывают настоящие закаты. Но их никто не видел.

По звездам ориентироваться также почти невозможно, так как все они одинаковой яркости, неподвижны и равномерно распределены по небу, не образуя созвездий. Магнитного или какого-либо другого поля на Самвэре просто нет. Таким уж его создали.

И это вторая глобальная проблема Самвэра, религиозно-философская. На Самвэре невозможен атеизм, так как весь он полон явлениями, предметами и событиями, объяснить которые нельзя ничем, кроме божественной воли.

Впрочем, жители Самвэра никогда не знали другого мира, поэтому они не ропщут. Привыкли. Что же касается ориентирования, все жители Самвэра очень точно чувствуют направление, коих – главных – здесь четыре: Вверх, Вниз, Направо и Налево (и никто не знает, почему они так называются). А так как, помимо этого существуют еще обычные вверх, вниз, направо и налево, то это еще больше осложняет и без того непростую ситуацию с ориентированием на Самвэре.

– Надо что-то делать! – твердо сказала Доминга, – А то вечер скоро.

– Рыбки половить? – ехидно поинтересовалась Амелия.

– Хотя бы, – кивнула волшебница, – Удочки у кого-нибудь есть?

Удочек ни у кого не нашлось, поэтому рыбу пришлось ловить на бечевку с привязанным к ней согнутым гвоздиком, нашедшимся в бездонных карманах Эда. Доминга над гвоздем поколдовала, чтобы сделать его более привлекательным для рыб, но клевало все равно не очень хорошо. Тем не менее, к вечеру Амелия – а занималась рыбной ловлей именно она – выудила достаточно для приличной ухи, которую, споря и препираясь, они с Эдом состряпали в четыре руки.

Таэнн нарубил дров и лапника в обнаружившейся поблизости небольшой рощице, и теперь сидел у огня и любовно полировал мечи.

Доминга воткнула последнюю ветку в шалаш и, отряхивая руки, тоже села к огню. Амелия принялась разливать уху.

Некоторое время царил тишина, прерываемая лишь стуком ложек и чавканьем. Время от времени кто-нибудь подливал себе добавки, пока котелок не опустел.

После непродолжительного спора мыть посуду пошел все-таки Эд, вооруженный пучком мыльного корня из запасов Доминги.

Хоббит принес еще воды, ее вскипятили, и Доминга бросила в котелок душистые травы. Приключенцы сидели вокруг костра, не торопясь потягивали отвар и рассуждали, что делать дальше.

– Нам нужно вернуться в Нычий Хой! – ударил кулаком по колену Таэнн.

– А на кой он нам сдался? – лениво откликнулся Эд.

– Если ты не забыл, – сверкнул в его сторону глазами эльф, – нам там должны еще четыре сотни.

– Кстати, Таэнн, – подала голос Амелия, – Мы так и не поделили ту сотню, которую нам дали в задаток.

– Тем более нам надо вернуться в Нычий Хой! – в глубине души эльф уже успел привязаться к этим деньгам, честно считая их своими.

– Но мы абсолютно не знаем, где находимся! – воскликнула Доминга, – Соответственно, мы не знаем в какой стороне от нас пресловутый Нычий Хой.

– Это точно, гад он пресловутый! – поддакнула Амелия. Доминга подняла бровь, но продолжала:

– Давайте разберемся. Мы ехали в ту сторону, с которой приехали, и ни у кого из нас даже не возникло сомнений по этому поводу. Так?

– Так, – вразнобой ответили три голоса.

– Прекрасно. А теперь, каким бы невероятным это ни казалось, давайте вспомним, с той ли стороны мы выбежали из Глухова, с какой вбежали. Вошли, точнее, – поправилась волшебница. Повисла пауза.

– Но наши лошади... – неуверенно сказала Амелия.

– Вот именно, – кивнула Доминга, – Это и сбило нас с толку. Но, если отвлечься от этого, то в какую сторону мы бежали?

– Направо, – сказал Эд. Почти одновременно с ним Амелия сказала:

– Налево.

Таэнн хмыкнул и уверенно уронил:

– Вниз.

– А вот по-моему, Вверх, – подвела итог Доминга.

Приключенцы грустно посмотрели друг на друга.

– Ладно, – сказал Таэнн, – Ты, Доминга, нам лучше скажи, что это? – и он кивнул в сторону водоема, оповещавшего о своем присутствии в темноте громким лягушачьим хором.

– Не знаю, честно, – смутилась волшебница, – География никогда не была моим сильным местом. Это явно не река, но что это – я не знаю. Может, это то самое мифическое Море-посреди-Суши.

– В море вода соленая, – резонно возразила Амелия, – А эту можно пить.

Доминга кивнула:

– Говорю же, не знаю.

Тем временем совсем стемнело. Эд широко и заразно зевнул – вслед за ним стали зевать и все остальные.

Первая стража по жеребьевке досталась Таэнну. Эльф подбросил в костер дров, и сел несколько в стороне, взглядывая в ночь и слушая, как за его спиной возятся, укладываясь в маленьком шалаше, остальные.

Таэнн сидел и думал. Все это было очень странно. И его мечи, и то, как они приехали к этой большой воде. Но было что-то еще, какая-то пустота внутри него, которая притягивала память, как больной зуб притягивает язык.

Нычий Хой. Да. Но... до этого? Что было до этого?

– Я – воин, – вслух сказал эльф, устыдился, что разговаривает сам с собой, передернул плечами и выбросил из головы ненужные мысли.

Его стража прошла спокойно. Таэнн разбудил Эда Ноппина, а сам завернулся в одеяло и лег на нагретую землю у костра. Шалаш он вообще считал ненужной роскошью.

Костер лениво лизал сушняк. Эд Ноппин таращил глаза в темноту – он все никак не мог проснуться. Потом он развернулся и стал смотреть в костер. Пляска языков пламени заворазживала. Он смотрел, смотрел... и не заметил, как уснул.

Амелия проснулась, чувствуя себя бодрой и отдохнувшей. Рядом с ней, подложив локоть под голову, спала Доминга. Амелия потянулась, провела рукой по волосам и на четвереньках выползла из шалаша. Около погасшего костра спали Таэнн и Эд. Было позднее утро. Начинал накрапывать дождь.

По понятным причинам Амелия решила посетить близрастущие кустики. Возвращаясь из них и одергивая платье, девушка вдруг услышала громкий щелчок. Мгновением позже пришло осознание, что ее что-то держит за ногу. А еще секунду спустя нагрязнула боль. Амелия рухнула и закричала.

Первым вскочил и кинулся к ней Таэнн. Выхватив кинжал и яростно озираясь, эльф упал возле Амелии на колено. Понял, что девушка попала в капкан, и попытался кинжалом разомкнуть створки.

Капкан был как минимум медвежий – сильная пружина, мощные зубцы – рана на ноге Амелии была глубокая. Кровь струилась по ноге и терялась в траве.

К ним подбежала Доминга и тоже принялась возиться с капканом. Эд спросонья побежал куда-то в другую сторону, и оттуда вскоре донесся щелчок и крик. Доминга, чертыхаясь, оставила Таэнна освобождать Амелию, а сама помчалась к Эду.

Хоббит, впрочем, отделался очень легко: задев капкан, он споткнулся об него и упал, так что зубцы капкана, царапнув его по ноге, защелкнулись только на штанах. Доминга зло рванула штаны на Эде и, волоча хоббита за собой, побежала обратно к Амелии.

Таэнн уже открыл капкан и теперь пытался остановить потерявшей сознание Амелии кровь, перетягивая ей голень куском ее собственной юбки.

Доминга оттолкнула эльфа, и сама взялась накладывать жгут. Таэнн же, к ее удивлению, не ушел рыскать по окрестностям, выискивая врага, поставившего на них капканы, а опустился возле Амелии на колени и нежно погладил рассыпавшиеся медовые пряди ее волос. Лицо у него было при этом совершенно перекошенное. Со второго взгляда Доминга догадалась, что так, похоже, в мимическом арсенале эльфа выглядело сочувствие.

– Эд! – крикнула Доминга, – Принеси мне сумку!

Хоббит проворно притащил волшебнице ее сумку с медикаментами. Доминга тщательно перевязала рану, присыпав ее кровоостанавливающим и дезинфицирующим порошком каменной смолы, после чего собралась было сунуть Амелии под нос нашатырю, но Таэнн перехватил ее руку.

– Не надо, – тихо сказал эльф. Поднял девушку на руки и понес в шалаш, где аккуратно уложил ее и укрыл одеялом. После этого он вылез и осмотрелся.

– А где наши лошади?! – прогрохотал он.

Доминга и Эд заозирались. Лошадей и правда не было.

– Ты уснул на страже?! – заорал Таэнн на Эда. Хоббит аж сел. Эльф подскочил к нему, сгреб за шкуру, поднял над землей и занес уже кулак, но его руку перехватила Доминга и укоризненно посмотрела в бушующие яростью серые глаза. Эльф потихоньку остыл. По крайней мере, он поставил Эда – почти аккуратно – и пошел искать еще капканы по окрестностям лагеря. Вскоре послышались щелчки.

Доминга сурово посмотрела на Эда. Хоббит сжался. Волшебница вздохнула и пошла посмотреть, как там Амелия. Эд тоже вздохнул, взял котелок и поплелся за водой. Ему было очень стыдно.

Амелия уже пришла в себя, но тихо постанывала от боли. Доминга активизировала над ней болеутоляющий амулет и пощупала лоб. Никаких признаков лихорадки пока не было, и Доминга слегка успокоилась.

Она вылезла из шалаша. У кострища ее ждал Эд с котелком. Он уже сложил костер. Доминга зажгла огонь и повернулась к подошедшему Таэнну.

– Двенадцать, – сказал он. Поколебался и добавил: – Я нашел двенадцать. Они здорово их прячут, ублюдки.

– Хотела бы я знать, кто они, – вздохнула Доминга.

– Я тоже, – сверкнул глазами Таэнн.

После завтрака, когда Эд мыл котелок, Таэнн и Доминга вдвоем сидели у костра.

– Здесь опасно оставаться, – сказала волшебница.

– Согласен, – кивнул эльф, – Надо двигаться. Но мы не знаем, куда. И потом, как. Она, – он кивнул на шалаш, – Идти не может. Лошадей нет.

– Боюсь, Амелию тебе придется нести, – пожал плечами Доминга, – Часть вещей бросим, а остальное понесем мы с Эдом.

– Волокуша?.. – деловито предложил Таэнн.

Доминга покачала головой:

– Чтоб она ногой обо все задевала, на каждой кочке подпрыгивала? Нам не по тракту идти все-таки. На руках понесешь.

Эльф вздохнул, но вынужден был согласиться. Берег водоема, по которому им предстояло идти, зарос пусть не очень высокой, но жесткой травой, скрывающей кочки и кротовьи ямы. Волочить по нему человека с такой раной было просто жестоко.

Таэнн пододвинул к себе рюкзак Эда, вытряхнул все из него и принялся раскладывать вещи на две кучки: с собой и на выброс. Вернувшийся хоббит хотел было возмутиться, но смолчал.

Как и следовало ожидать, выброшено было больше всего из Эдова рюкзака. И в него же больше всего наложено. Эд не смел возражать. Он чувствовал себя виноватым.

Оставленные вещи Таэнн закопал в роще. Шалаш разбирать и закладывать кострище не стали – о них и так уже знали. Так что вскоре после полудня приключенцы тронулись в путь. Идти решили Вправо по берегу. Зачем – никто не знал, но возражений ни у кого не было.

Скорость передвижения их была небольшой – без дополнительной ноши они за то же время прошли бы раз в три больше, но они упорно продолжали путь почти без остановок до вечера.

Вечер был тихий и красивый. Тучи рассеялись, и на небе во всей красе высветились звезды. Впрочем, смотреть на них приключенцам было некогда: они обустроивали лагерь. Даже Амелия возилась у котелка, неуклюже вытягивая раненую ногу с примотанными к ней палками. На иммобилизации настояла Доминга. Сама Амелия была против, но волшебница все-таки опасалась трещины кости, так что теперь нога Амелии превратилась в громоздкое и очень неудобное сооружение.

Доминга неожиданно оторвалась от рыбной ловли и хлопнула себя с размаху по лбу.

– Ты чего? – откликнулась Амелия.

– Дура я, вот чего! – самокритично возопила Доминга.

– Да что случилось-то? – встревоженно донеслось из лагеря.

– Стену надо было ставить!

– Какую стену?

Но Доминга только отмахнулась.

После ужина волшебница принялась совершать странные действия. Остальные с интересом наблюдали за ней, сидя у костра, но отвлекать ее вопросами никто не решался.

Доминга оползла на карачках весь лагерь, начертив вокруг него круг на земле кинжалом. Почти вернувшись до точки, от которой она начала, Доминга подняла голову и поинтересовалась:

– По нужде никому не требуется? Учтите, на всю ночь.

Все дружно замотали головами. Доминга замкнула круг, после чего принялась посыпать его порошком, искрами вспыхивающим в свете костра, размахивая при этом свободной рукой и что-то бормоча.

Наконец она закончила и вернулась к костру, отряхивая руки.

– И что это было? – выразила Амелия общий вопрос.

– Я поставила вокруг лагеря стену. Во-первых, со стороны нас не будет видно, а во-вторых, если кто бы то ни было попытается к нам проникнуть, мы об этом непременно узнаем.

– Он поджарится? – кровожадно сверкнул зубами Таэнн.

– Нет, – помотала головой Доминга, – стационарная огненная стена требует слишком много сил. И потом, сразу убивать, думаю, не стоит. Ведь это могут быть и не те, кто ставил на нас капканы.

– А нам придется дежурить? – спросила Амелия, потягиваясь, но потревожила больную ногу и, ойкнув, свернулась в клубок.

– Тебе-то точно не придется, – ответила Доминга, – И, кстати, выпей-ка вот это!

Волшебница растворила в воде неприятно пахнущий порошок и протянула Амелии. Та взяла, понюхала и умоляюще посмотрела на Домингу.

– Пей! – неумолимо отрезала волшебница.

Амелия резко выдохнула и залпом проглотила содержимое кружки. Обожглась, закашлялась и долго еще сидела, переводя дух. Доминга похлопала ее по спине, не удержалась и высказала мысль, которая мучила ее весь день и ей лично казалась удачной, хоть и несколько злой шуткой:

– Зато теперь ты соответствуешь своему имени!

Никто не засмеялся. Все удивленно посмотрели на волшебницу. Доминга смущенно принялась объяснять, радуясь, что боги обделили ее способностью краснеть:

– «Амелия» – это значит «безногая». «А» – отрицание, «мелос» – конечности... – волшебница осеклась, видя, что Амелия собирается заплакать, а Эд и Таэнн смотрят на нее, подняв брови. На задворках сознания мелькнула мысль, что она никогда бы раньше не подумала, что у эльфа и хоббита могут быть такие одинаковые выражения лиц.

Доминга торопливо и неловко обняла Амелию:

– Ну прости меня, пожалуйста! Я не хотела тебя обидеть! Я думала, смешно будет...

Девушка вытерла нос рукавом и ничего не сказала. А Таэнн вздохнул:

– Ты, Доминга, женщина умная, но иногда такую ерунду говоришь. Ты скажи лучше, что со стражей-то.

– Не знаю, – пожалала плечами смущенная Доминга, – пожалуй, это не обязательно. Мы все устали. А если кто-нибудь полезет, мы обязательно услышим, – она усмехнулась.

– А если будут стрелять?

– Если бы нас хотели застрелить, нас бы застрелили прошлой ночью, – покачала головой Доминга, – К тому же стена не остановит стрелу, но собьет ее с курса. И потом, говорю тебе, нас со стороны почти незаметно. Разве что за нами следили, пока мы обустроивались, – добавила она, поколебавшись.

– Ясно, – дернул плечом Таэнн, – Я спать.

И эльф залез в шалаш. Вслед за ним заползла Амелия, а немного погодя и Эд. Доминга посидела еще немного у костра, глядя в огонь и слушая ночь, а когда все-таки полезла спать, заметила, что Амелия лежит у Таэнна на плече. Ее медовые кудри мешались с его серо-рыжими прядями. Доминга улыбнулась и устроилась у стены.

В параллели перпендикуляра.

Демиург была удивлена. Она знала, что так бывает с живыми людьми, с ней это часто случалось, но не знала, что такое может быть с персонажами собственного воображения.

Она к ним пригляделась, и они уже казались ей гораздо более симпатичными, чем раньше. Таэнн перестал казаться тощим – он был просто высокий и жилистый. Доминга была вполне привлекательная, а главное, в глазах ее светился недюжинный ум. Амелия была не такая уж простушка, веселая и жизнерадостная. Да и к хоббиту ее внутренние глаза привыкли, и он казался вполне естественным и симпатичным.

Что ж, это радовало. Ее собственные герои казались ей все более живыми, цельными, настоящими. И приятными глазу.

Внизу.

Они проснулись от громкого треска и вспышек.

– Что, уже утро? – пробормотала спросонок Амелия, в то время как Таэнн уже выскочил из шалаша и стоял в растерянности, сжимая рукояти мечей.

Вслед за ним вылезли остальные и тоже полюбовались на вспыхивающие на фоне звездного неба голубые снопы искр, примерно соответствующие человеческой фигуре.

Доминга ударила в ладоши, резко выкинув правую руку в сторону искр, и под ноги приключенцам свалился маленький человечек в несколько обгоревшей одежде.

Почувствовав себя в своей стихии, Таэнн сгреб незнакомца за шиворот и приставил к его горлу меч:

– Кто такой? Чего хотел?

– Д-д-д-д-д... – выдавил из себя человечек.

– Таэнн, не зарежь его! – тревожно сказала Амелия. Эльф слегка отодвинул меч и переспросил:

– Так что ты там хотел сказать?

– Ничего, господин! – вякнул человечек.

– Совсем ничего? – Таэнн снова придвинул меч.

– Таэнн, прекрати, – махнула рукой Доминга. Она подошла и пристально посмотрела человечку в глаза. Тот дернулся, но затем обмяк; глаза его помутнели.

– Говори! – велела Доминга.

– А я вот поэтому и думаю, что зря ты жену распускаешь, а то баба, много воли взявшая, и тебя под каблук пристроит, и...

– Что он несет? – тихо спросила Амелия.

Доминга хлопнула себя по лбу, пробормотала: «свободные ассоциации», и щелкнула пальцами у пленника перед глазами. Тот замолчал.

– Как тебя зовут? – строго спросила волшебница.

– Бахут Кулак, – послушно и безвольно ответил человечек.

– Откуда ты?

– С Выселок.

Эд Ноппин вдруг понял, что не так было в том, как отвечал их пленник на вопросы Доминги. Лицо его оставалось неподвижным, а голос – бесстрастным, даже когда он выдавал им, врагам, свое имя и место жительства. Он был явно не в себе.

Хоббита вдруг пробрал резкий страх перед магией вообще и Домингой в частности и, чтобы перебить противное ощущение, он быстро спросил:

– А кто там живет?

Пленник молчал.

– Почему он не отвечает? – поинтересовалась Амелия.

– Он сейчас слышит только меня, – углом рта ответила Доминга, после чего громко и четко спросила пленника:

– Кто живет в Выселках?

– Люди, впавшие в грех единобожия. Так зовут нас в остальном мире за то, что мы поклоняемся Единому, Создавшему нас.

Приключенцы изумленно воззрились на Бахута. Это ж надо до такого додуматься! Никому из них никогда даже в голову не приходило, что на Самвэре, с его ежедневными (ну, почти) доказательствами существования множества богов, кому-то могло взбрести на ум, что бог всего один.

– Интересно... – протянула Доминга. Остальные закивали.

– Так, а почему ты на нас напал? – опомнилась волшебница, – И зачем вы поставили на нас капканы?

– Нас все обижают, – покорно ответил Бахут, – Мы – бесправные выродки. Поэтому нам приходится защищаться. Нас мало и мы слабые. А вас много и вы сильные.

В этом месте речи пленника приключенцы почти одновременно подумали, что либо у Бахута серьезные проблемы с арифметикой, либо население Выселок гораздо меньше, чем они сначала посчитали.

– Вы опасны для нас, – тем временем продолжал человек, – Для нас все опасны. Мы должны были вас убить. Но вы не умерли, а, значит, вы еще опаснее. Меня, самого ловкого, послали на разведку.

Таэнн презрительно дернул углом рта, поглядывая на «самого ловкого».

– Ладно, – сказала Доминга, – Сиди здесь. Таэнн, спрячь меч, он сейчас не опасен.

После этого она отползла несколько в сторону так, чтобы пленник не мог ее видеть, и жестом поманила к себе остальных. После того, как приключенцы сели в тесный кружок, сблизив головы, волшебница спросила:

– И что нам теперь с ним делать? Какие будут предложения?

– Прирезать его, а потом пойти и перебить всех этих еретиков, чтоб не повадно было капканы ставить. Он сам сказал, их там мало.

– Таэнн, тебе лишь бы кого-нибудь прирезать! – сказала Амелия, после чего вдруг по ее лицу пролетела непонятная тень, но девушка все же спросила Домингу:

– А ты можешь его как-нибудь околдовать?

– Как?

– Ну... Чтоб мы ему нравились.

Доминга задумалась:

– Вообще-то, есть одно заклятье. Правда, его действие зависит от того, насколько он умен.

– По-моему, не очень, – презрительно заметила Амелия, бросив косой взгляд на пленника, неподвижно сидящего у костра.

– По-моему, в принципе, тоже, – Доминга задумчиво потерла ключицу, – Ну что ж, я попробую.

Она села напротив Бахута, мило улыбнулась ему. После чего пробормотала несколько слов и щелкнула пальцами у него перед глазами. Бахут нервно сморгнул, вздрогнул... и вдруг расплылся в широкой улыбке и робко погладил Домингу по руке.

Амелия еле сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши и восхищенно шепнула Таэнну:

– У нее получилось!

Эльф кивнул, не сводя настороженного взгляда с пленника.

Неожиданно тот вскочил и запрыгал с криками:

– Пойдемте же! Пойдемте!

Доминга еле успела перехватить Таэнна за запястье, остановив смертоносный замах.

– Тихе ты! Он ведет нас в Выселки! И обеспечит достойный прием.

– Зачем? – насутился эльф.

– Амелии нужен покой, теплая кровать и квалифицированная помощь. Я с походным набором трав не могу толком ей помочь.

Таэнн поколебался, но все-таки неохотно кивнул.

– Собираемся! – громко объявил он.

Все принялись собирать рюкзаки, а Эд Ноппин поинтересовался:

– А далеко идти? Может, позавтракаем?

Доминга покачала головой:

– Думаю, задерживаться не стоит. По его словам, – она кивнула на Бахута, – не более полутора-двух часов пути.

Эд подавил вздох и продолжил собирать вещи.

Вскоре тронулись в путь. Таэнн нес Амелию, Эд Ноппин и Доминга – вещи, а Бахут показывал дорогу и суетился вокруг Доминги, пытаясь отобрать у нее рюкзак.

– Отдай ты ему рюкзак, пусть несет! – сказал Таэнн.

– Совесть не позволяет, – вздохнула волшебница, – Я его вроде как обманываю. Не могу я его еще и тяжести таскать заставлять!

Эльф поджал губы, но не возразил.

Тем временем совсем рассвело. С Озера – Бахут уже сказал им, что водоем называется Озеро, – подул свежий ветер. Приключенцы обошли вдающийся в сушу залив и наконец-то увидели Выселки, разместившиеся на песчаной косе. Заметив это, Доминга укоризненно покачала головой, подумав: «Вот до чего единобожие доводит! Совсем дураки – на песке понастроились!», но потом заметила, что дома стоят на сваях. Перехватив ее взгляд, Бахут торопливо объяснил:

– Во время прилива вода подходит совсем близко к домам. А когда идут дожди, так только на лодках.

Эд Ноппин пересчитал домишки, получилось восемь. Плюс еще какой-то странный длинный дом – наверное, общинный.

В поселении их уже заметили: высельчане торопливо сдергивали с веревок сушившееся белье и загоняли домой детей и скот.

– Я сейчас! Сейчас! – засуетился Бахут и умчался вперед.

– Очень надеюсь, что он вернется не с оравой с топорами! – заявил Таэнн, поудобнее перехватывая Амелию.

– Не должен, – ответила Доминга, – Только через его труп. Я теперь ему лучший друг и член семьи, о котором полагается заботиться. И освободиться от чар он сможет не раньше, чем через неделю.

– А вдруг у них там маг, который снимет заклятье ? – спросил Эд.

– Надеюсь, нет, – пожала плечами Доминга, – А, впрочем, поглядим. Вон они идут, – волшебница показала подбородком вперед.

Из Выселок и в самом деле показалась делегация. Таэнн забеспокоился и стал прикидывать, как бы побыстрее и поаккуратнее скинуть с рук Амелию, если все-таки придется хвататься за мечи, но разглядел, что из всей делегации, состоящей из полудюжины мужчин и бегящего вокруг них Бахута, оружие было только у возглавлявшего процессию древнего старика, да и то это были три стрелы, которые старейшина нес наконечниками вниз, в знак мира.

Делегация остановилась шагах в десяти от приключенцев, глядя на них очень испуганно. Доминга вышла вперед и, как вежливый гость, первой поклонилась высельчанам. За ней поклонился Эд, а Таэнн и Амелия, в силу своего положения, только склонили головы. Высельчане ответили глубокими поклонами, причем старейшине понадобилась помощь, чтобы разогнуться.

– Мы счастливы приветствовать вас, – дребезжащим старческим голосом начал старейшина речь, но вдруг запнулся на полуслове, покраснел, потом побелел, пошел пятнами, закатил глаза, захрипел и упал на руки сопровождающим.

Доминга кинулась к нему.

– На землю его! – рявкнула волшебница на растерянных высельчан. Когда ее команду безропотно выполнили, Доминга поджала губы и жახнула старику по груди. После чего зажмурилась и положила руки старику на грудь. Упала тишина. Девять пар глаз неотрывно смотрели на волшебницу. Доминга сидела молча, только постепенно бледнела.

Все нервно переминались с ноги на ногу.

Наконец волшебница открыла глаза. Высельчане немедленно дернулись к своему старейшине и с радостным удивлением обнаружили, что он благополучно спит. Его взяли на руки и бережно понесли обратно в деревню, забыв про приключенцев. С ними остался только Бахут, который стоял около Доминги и растерянно смотрел вслед своим землякам.

– Может, пойдем за ними? – робко предложил он.

– Пойдемте, – кивнула Доминга, тяжело поднимаясь с земли. Заклинание отобрало у нее много сил. Ей хотелось лечь, никуда не идти и не думать о том, что они окружены врагами, которые несколько часов назад пытались их убить.

Амелия радостно улыбнулась и тут же ойкнула, когда Таэнн чересчур оживленно подбросил ее на руках. Эд с готовностью водрузил на себя рюкзак, который уже успел когда-то незаметно скинуть. Всем не терпелось в жилье.

– В конце концов, они теперь нам вроде как обязаны, – высказала общую мысль Амелия.

Возле самых Выселок их встретил кряжистый мужик, очень похожий на старейшину. Приключенцы решили, что сын, и не ошиблись.

– Благодарю Вас! – он обращался лично к Доминге, – Отец пережил много зим и стар, слаб. Но Вы его спасли! Благодарю! – несколько нескладно, но с душой высказался он и склонился перед волшебницей в раболепном поклоне.

– Надеюсь, – вежливо и устало сказала Доминга, – вы сможете отплатить нам услугой за услугу. Среди нас есть раненая, – она кивнула на Амелию, – Ей нужна помощь и мягкая постель.

Она хотела добавить: "Ваши раненая", но не стала.

По лицу сына старейшины волной пробежало сомнение: ему явно не хотелось вести иноземцев в Выселки, но он побоялся оскорбить их отказом, поэтому бросил искоса быстрый взгляд на Бахута и закивал, широко поводя рукой в сторону деревни:

– Конечно, пойдемте скорее! Давайте, я понесу! – но под свирепым взглядом Таэнна быстро убрал протянутые было к Амелии руки.

Их поселили в небольшом сарайчике на сваях, стоявшем фактически в воде. В нем было душно, сыро, по углам селились жирные пауки, назойливо жужжали комары и стоял четкий запах свежевынесенной соленой рыбы. Впрочем, высельчане старались исправить впечатление, снабдив приключенцев достаточно приличным горячим обедом, в котором рыба занимала не последнее место, и постелями из заячьих шкур и странного на ощупь тканого полотна.

– Знаете, – заявила Амелия, ощупав простыни, – По-моему, они из крапивы.

– Вовсе нет, – авторитетно опроверг Эд Ноппин, ощупав, обнюхав и даже пожевав угол простыни, – они из чистой конопли.

– Да ну? – удивилась Амелия.

– Ну да, – кивнул хоббит, – конопля, она... из нее... – и хоббит застыл, глядя перед собой и молча шевеля губами.

– Эд, ты чего? – обеспокоенно спросила Амелия.

– Я... – хоббит сморгнул, – Я не помню... Ничего не помню...

Амелия как раз собиралась спросить, что же такое важное Эд забыл, но тут Таэнн вернулся с лестницы, откуда совершал в Озеро естественные надобности, и сказал:

– Ерундой вы тут какой-то занимаетесь! Давайте лучше придумаем, как из этих еретиков выбить наших лошадей с вещами. Там, кстати, дождь пошел, – добавил эльф, стряхивая с себя капли.

– А я решила, что ветер, – хмыкнула Доминга. Эльф на секунду замер, потом расхохотался. Дождь все усиливался, и перешел в настоящий ливень. Крупные капли колотили по крыше, пробивались сквозь щели, наполняли все влагой.

– Брр, – поежилась Амелия, – Кошмар, а не погода! Они нас отсюда забрали бы, что ли!

И, точно в ответ на ее слова, снизу послышался стук причаливающей лодки и голоса.

Накрывшись промасленной холстиной, любезно предложенной высельчанами, приключенцы спустились в лодку, причем в случае с Амелией это доставило бы большие трудности, не будь девушка от природы гибкой и ловкой, и не начни ее нога уже немного подживать.

– Куда мы едем? – спросила Амелия, когда кое-как уселась.

– В Храм, – коротко ответил один из гребцов. Больше они не проронили ни слова.

Лодка мягко ткнулась в берег, и высельчане бодро выскочили за борт, пробежали несколько шагов по воде, волоча за собой лодку, и вместе с ней выскочили на песок, да еще и привязали к торчащему из песка столбу. И только после этого из лодки вышли приключенцы. Их привезли к самому длинному дому, на пороге которого стоял вполне здоровый старейшина в белых одеждах, а из-за его спины выглядывали остальные высельчане.

– Дорогие гости! – начал старейшина, едва только приключенцы сошли на берег, – Войдите же в этот храм Единого, разделите с нами ритуал общения с Единым! Лишь чистые сердцем, не таящие зла, могут пройти в наш храм. Войдите! Докажите нам, что вы друзья!

– Чушь какая! – хмыкнул Таэнн, но очень тихо, так что услышали его только Амелия, которую он по-прежнему нес на руках, и Эд, который стоял совсем рядом с ним.

Доминга, которая ушла на шаг вперед, обернулась и с вопросом в глазах потрянула головой в сторону храма.

– Да пойдём, чего уж там! – ответил Таэнн, перехватывая Амелию. И приключенцы вошли в храм.

– Я начинаю ненавидеть лестницы! – прошептала Амелия на ухо Доминге, когда ее усадили на длинную низкую лавку. Во время подъема девушку чуть не уронили с самого верха лестницы.

Доминга успокаивающе потрепала ее по плечу. Она сидела рядом с Амелией. С другой стороны от нее сел Эд, почти прижавшись к волшебнице. А Таэнн сел с другой стороны от Амелии.

Внутри храма царил полумрак. Несмотря на то, что дом был сложен из бревен, в которых Таэнн эльфим чутьем распознал клены, в нем стоял странный, несвойственный деревянным строениям, запах.

Посреди храма, внутри восьмиугольника из низких лавок, на одной из которых расположились приключенцы, было сложено что-то вроде каменного алтаря с углублением в центре. Сейчас высельчане, нарядные, со счастливыми лицами, с песнями складывали в это углубление горячие угли, щепки и стружки.

Доминга насчитала около сорока человек – мужчин, женщин, подростков. Детей сюда, видимо, не пускали.

Наконец, все замолчали, расселись, и к алтарю подошел старейшина с мешком в руках, богато расшитым бисером.

– Все ли дома принесли огонь? – торжественно спросил он.

– Да! – многоголосо прозвучало с лавок.

– Все ли сердца открыты Единому, Создавшему нас?

– Да! – вновь прогремело в ответ.

– Услышь нас, Единый! – возопил старейшина и кинул на тлеющие угли горсть сухой травы из мешка.

Высельчане снова запели, точнее, затянули какую-то заунывную мелодию без слов.

Приключенцы сидели, смотрели, слушали, дышали, ощущали – и постепенно погрузились в странное состояние, повисли в неверном зыбком мареве между сном и явью.

Доминга почувствовала, как Эд мягко уткнулся ей в бок, нехотя оглянулась и увидела, что Амелия спит Таэнна на плече, а у эльфа глаза хоть и открытые, но абсолютно отсутствующие.

И вдруг из тумана перед ней появилась пожилая женщина и склонилась над раненой ногой Амелии. Доминга с трудом шевельнулась. Женщина полуобернулась к ней и сказала:
– Спи, моя хорошая! – и Доминге оставалось только повиноваться.
Все приключенцы спали и видели. И вот, что они увидели.

Доминга.

Доминга подняла голову и уперлась взглядом в низкий потолок. Она стояла в узком коридоре, прижавшись спиной к стылому камню стены. Воздух был затхлый и спертый. Где-то вдалеке капала вода – звук разносился далеко и глухо.

Доминга постучала по стене, поковыряла неровные стыки камней, простучала пол и потолок, без труда дотянувшись до него, ничего не обнаружила и пошла вперед по коридору.

Звуки ее шагов и падающей воды были одиноки в этом лабиринте. Через некоторое время волшебница начала слышать свое тяжелое дыхание. Она задыхалась в этой тяжелой, неподвижной атмосфере. Вскоре и стук ее сердца вплелся в эту странную какофонию.

Коридор неоднократно раздваивался. Посомневавшись в первый раз, Доминга повернула направо, и теперь поворачивала направо постоянно.

Она шла и шла. Бесцельно и почти бездумно. Есть и пить ей не хотелось. Было светло, хотя она так и не поняла, откуда берется свет. Воздух был неподвижен. Звук падающей воды действовал на нервы. Доминга шла. Поворачивала – сперва настороженно, а затем равнодушно, потому что раз за разом за углом ее ничего не подстерегало.

Она была безоружна, но это ее не волновало. У нее не было ни воды, ни еды, но это не беспокоило ее тоже. Ей было все равно. Доминга шла и шла по инерции, не чувствуя усталости.

Ничего не менялось. Камни были серыми. Потолок – низким и давящим. Воздух – спертым.

«Зачем все это? – подумала Доминга, – Зачем я иду? Кто я? Где я? Для чего я? Какой в этом смысл?»

Она сделала еще несколько шагов, а потом остановилась. Сперва села, привалившись к стене, а потом легла, свернувшись калачиком на жестком полу, и закрыла глаза.

«Нет смысла, – подумала она, – Ни в чем нет смысла. Все абсолютно бессмысленно и нелепо»

«Я никому не нужна. Зачем мне жить? Ради чего я живу? Я не вернусь. Лучше будет умереть здесь. Умереть... Я устала. Лучший выход – умереть»

Она резко встала, прошла сквозь стену и оказалась в храме, глотая дымный воздух и щуря глаза.

Боги.

– По-моему, – ехидно начал Каваскъяск, – Здесь кто-то только что нарушил правила игры. Притом, очень серьезно.

– Если ты намекаешь на меня, – спокойно ответил Ономант, – то ты ошибаешься. Я ничего не нарушал.

– Он в самом деле ничего не предпринимал, Каваскъяск, – примирительно сказал Галат.

– Тогда кто же?

Галат выразил недоумение, Ономант – безразличие.

Таэнн.

– Тьма пронзила твое сердце? – переспросила Доминга.

– Пронзила, – Таэнн кивнул, нервно оглянулся в дымной атмосфере храма и крепче прижал к себе спящую Амелию, перегнувшись через которую он и шептался с Домингой, – Я не мог ничего сделать, не мог шевельнуться, а огромный рыцарь пронзил мое сияющее сердце, мое сердце, отдельное от меня...

– А причем здесь тьма? – подняла брови Доминга.

– А этот рыцарь был сама тьма. Я это чувствовал, – растерянно ответил Таэнн, – Знал, – добавил он, и тут Амелия закричала. Она кричала долгим криком раненого зверя, выла и корчилась, будто в огне.

Таэнн и Доминга обхватили ее: эльф схватил девушку за плечи и запястья, а волшебница обняла ее за голову и, не зная, что предпринять, похлопала по щекам.

Наконец Амелия перестала кричать и зарыдала, уткнувшись Таэнну в плечо. Эльф обнял девушку за плечи, стал гладить по голове и что-то ласково шептать на ухо.

Доминга отвернулась от них и увидела, что Эд, свалившийся с лавки, когда она дернулась к Амелии, тоже проснулся и теперь сидит на полу, прислонившись к лавке спиной, и тихо плачет, сморкаясь в большой клетчатый платок. Доминга положила ему руку на плечо:

– Что ты видел, Эд?

– Я не помню, – тоскливо ответил хоббит и посмотрел на волшебницу глазами, полными слез.

Почти одновременно с этим Таэнн спросил Амелию:

– Что ты такое увидела?

– Я не помню, – изумленно ответила девушка.

Доминга уперлась локтями в колени, положила подбородок на ладони и констатировала:

– Очень интересно выходит! – переводя глаза с Эда на Амелию. Таэнн кивнул.

Боги.

Там, высоко, над редкими и светлыми облаками, сменившими заплаканные дождем тучи, там, где, казалось, не место волнениям и тревогам, там, где бывают лишь бессмертные боги и редкие отчаянные птицы... В общем, там царила паника.

Кое-кто из младших богов по-тихому собирал чемоданы, но старшие боги оставались на местах, хотя внутри каждого из них бушевала своя буря.

Феенель и Цеенель сейчас имели вид тошнотно – зеленого облачка, на которое все остальные боги по очереди навешивали амулеты. Самые сильные, на последний день приберегавшиеся амулеты и талисманы, обереги и ангриалы, фиалы и раки шли теперь в ход. Боги, не задумываясь, выкладывали их, потому что не сделай они этого, день и впрямь мог бы стать последним.

– Но кто ж мог знать... – простонала Маэртене, в свою очередь, прикладывая к Феенель золотой медальон.

– Может, такова воля Демиурга, – рассеянно ответил ей Галат
Маэртене в ответ выразила боль и отчаяние, но ничего не сказала.

Внизу.

Эд Ноппин опустился на колени у реки и, горстью зачерпнув воду, попробовал ее на вкус. Сглотнул, вытаращил глаза, потом зачерпнул еще горсть и ее тоже выпил. Остальные приключенцы наблюдали за ним с интересом и нетерпением.

– Невероятно! – наконец воскликнул хоббит, – Это просто невероятно!

– Да что такое-то, Эд? – нетерпеливо спросила Амелия

– Я готов поклясться, это Витая!

Доминга прикинула в голове карту, и тоже сочла, что это невероятно.

После того, как все высельчане очнулись от наркотического сна, они почему-то очень забеспокоились, почти грубо усадили приключенцев в лодку, несмотря на сопротивление Бахута, который так рвался к Доминге, что его пришлось скрутить и посадить в сарай под замок, покидали в лодку их вещи, надели приключенцам мешки на головы, после чего они нашли себя с вещами возле этой реки, про которую Эд говорил теперь, что это Витая. Доминга потеряла ключицу и на всякий случай переспросила у хоббита:

– Ты уверен?

Эд обиделся:

– Я мог бы Конопелем поклясться, но просто скажу тебе, что не был бы я хоббит, если б не мог эту реку на вкус отличить. Да и место это, – Эд широко повел рукой, обводя ровный, заросший высокой травой заливной луг, на котором они стояли, – Мы, друзья мои, в Междуречье!

– Что же это такое?.. – задумчиво проговорила Доминга, имея в виду способ, которым они сюда попали. Эд кивнул, соглашаясь с ней.

– А я знаю! – неожиданно заявила Амелия, – Междуречье – это где живут хоббиты! – и девушка очень обиделась, когда после этих слов волшебница и хоббит посмотрели на нее, как на сумасшедшую.

Девушка смутилась, опустила глаза, и вдруг ойкнула.

– Ты чего? – спросила Доминга

– У меня нога зажала!

Все приключенцы уставились на ее ногу, где, как они помнили, была повязка, под которой была едва закрывшаяся коркой глубокая рана. Ни повязки, ни раны не было. Амелия свободно стояла и сделала, сияя, несколько пробных шагов. Все смотрели то на ее ногу, то друг на друга и молчали.

– Ну, что стоим-то, – наконец сказал Таэнн, – Междуречье – не Междуречье, какая разница! Хоть Чистый Лист, идти-то надо! Лошадей-то, сволочи, не вернули!

– Хоть вещи отдали, и то ладно, – вздохнула Доминга, – И куда ты предлагаешь идти? Кстати, Таэнн, – добавила она ехидно, – Чистый Лист – глупая легенда, дурацкий предрассудок!

– А я тоже верю в Чистый Лист! – неожиданно вступилась за элфа Амелия.

– Ну и зря! – дернула плечом волшебница, – Беспочвенные выдумки!

– Да что вы спорите, – нервно сказал Эд Ноппин, – в самом деле, пойдете лучше. Темнеть скоро начнет!

И приключенцы двинулись по течению реки.

Тени удлинялись, день клонился к вечеру, когда им навстречу попался первый дом. На этот дом все, кроме Эда Ноппина, уставились удивленно. Хоббит уставился на дом радостно. Это был самый что ни на есть настоящий дом хоббита, вырытый в искусственно насыпанном холме, дом с круглой дверью и круглыми же оконцами, дом, на крыше которого цвели гиацинты и тюльпаны.

Пока его товарищи глазели на жилище, Эд Ноппин бодро подошел к двери и, взявшись за дверной молоток в форме цветка гладиолуса, постучал в дверь, ... и вскоре приключенцы уже пили чай внутри этого удивительного круглого дома. Амелия налегала на конфеты. Доминга забавлялась миниатюрностью чашечек, блюдец, младшего сынишки семейства, который старательно лез ей на колени, и всего жилища. Таэнну же эта миниатюрность доставляла массу неудобств. В голове у элфа были две мысли: когда же они наконец отсюда выберутся, и как бы ему еще так извернуться в крохотном креслице, чтоб не так давил на затылок потолок. А Эд Ноппин получал истинное удовольствие от общения. Это была настоящая, классическая, традиционная семья хоббитов – в доме жил целый клан. Эд чувствовал себя дома. В своей тарелке, как говорят хоббиты. У них много присказок и поговорок, связанных с едой.

– Ах да! – неожиданно воскликнул отец семейства, – У нас же новости, которые, несомненно, вас заинтересуют! Светотень в Междуречье!

Поскольку при этих словах Таэнн встрепенулся, в очередной раз приложился головой и громко при этом охнул, все посмотрели на него, и элфу ничего не оставалось кроме как откашляться и спросить:

– Светотень? Здесь?

– Ты знаешь, что это? – удивленно спросила Доминга. Волшебница не знала, и ее это смущало.

Таэнн кивнул.

– Так что это? – спросила Амелия.

Таэнн загадочно улыбнулся, чего за ним прежде не водилось, и сказал:

– Вот пойдём и посмотрим! – и, неожиданно протянув руку, потрепал Амелию по голове. Девушка инстинктивно отдернулась, а потом неуверенно улыбнулась элфу.

– Да, в самом деле! – поддержал Таэнна глава семьи, – Вот идите и посмотрите!

– Так где она? – подняла бровь Доминга.

– В Хоббитоне, где ж еще? – искренне удивился хоббит, – Разве ж хоть одно важное событие в мире пропустит Хоббитон!

И приключенцам ничего не оставалось кроме как упаковать пирог, предложенный радушной хозяйкой и пойти в Хоббитон, до которого был, как выяснилось, всего-то полчаса ходу.

Боги.

– Кто ввел Светотень? – строго спросил Галат.

Все боги в ответ выразили незнание. Галат подозрительно сфокусировал свое внимание на Заяминко, но богиня в ответ выразила отрицание.

– Помогите нам...., – начал было Галат, и осекся. Он здесь верховный бог. Некого ему о помощи просить. К большому его сожалению...

Внизу.

Приключенцы стояли на краю площади и смотрели на Хоббитон. Больше всего он походил на огромную ярмарку в миниатюре. Вечную ярмарку. Миниатюрой же здесь были продавцы, покупатели и прочие празднующиеся, потому как подавляющее большинство их были хоббитами. Отдельные люди среди этой пестрой толпы казались то ли лишними, то ли просто неуместными великанами. Впрочем, их было достаточно для того, чтобы на приключенцев никто не обращал лишнего внимания.

– Ой, смотрите! – вдруг пискнула Амелия, – Там карусель! – и она небрежно сбросила рюкзак на землю и побежала к карусели.

– Дитё! – покачал головой Таэнн, поднимая сброшенный Амелией рюкзак.

– Пойдем за ней, – сказала Доминга, – Потеряется еще!..

Но Амелию они нашли легко – девушка и впрямь стояла у подножья карусели, задрала голову и глядя вверх сияющими глазами. Увидев подошедших товарищей, она схватила Домингу за обе руки с криком:

– Давайте покатаемся!!!

Волшебница хмыкнула, посмотрела на карусель и неожиданно сказала:

– Давайте!

Рюкзаки были поручены охране карусельщика, и они выкатили целый золотой. Потом еще один единолично выкатала Амелия, а остальные стояли внизу и смотрели на нее – Эд и Доминга с нетерпением ждали, когда же она накачается, потому что проголодались, а Таэнн, которого, по правде сказать, здорово укачало, в чем он не признался бы даже под пыткой, боролся с тошнотой.

К тому времени как Амелия, брызжущая счастьем и раскрасневшаяся так, как будто сама крутила карусель, присоединилась к ним, была уже ночь, хотя вечная ярмарка продолжала свой шум – народу стало будто даже больше, просто зажглись факелы.

– Нам надо найти ужин и ночлег! – сказал Эд. Доминга кивнула, испытав при этом легкое раздражение – она сама собиралась сказать почти то же самое секунду спустя.

Таэнн мотнул головой в сторону ближайшей к ним таверны, называвшейся «Танцующий Опенок» (рисунок на вывеске и впрямь изображал пляшущий гриб):

– Эта сойдет?

– Сойдет! – радостно ответила Амелия и направилась к дверям, но не дошла, потому что была сбита с ног высоким тощим человеком в лохмотьях, выскочившим из переулка. Сбив девушку, он продолжал бежать, но почти сразу оказался в тупике. Площадь с каруселью была полукругом огорожена магазинами, возле одного из них стояла пустая телега. Человек обежал телегу и заметался, а из того же переулка выскочила невысокая девушка, одетая во все белое, с обнаженным мечом в руках, и бросилась к нему. Увидев ее, оборванец прижался спиной к стене, пошарил за пазухой и, вытащив какой-то предмет, швырнул его перед собой. Площадь заполнилась дымом. Толпа с визгом бросилась прочь, а Таэнн сумел одной рукой прижать всех троих своих спутников к какому-то углу, почему-то показавшемуся ему безопасным, а другой рукой вытащить меч.

Дым быстро рассеялся, и стало видно, что на девушку в белом наступают четыре огромные твари, напоминающие помесь кошки, паука и крокодила.

– Визиги! – прошептала Доминга, – И такие большие! Я и не знала, что они еще остались! Девушка вскочила на телегу и повернулась, поводя клинком, к тварям.

И тут к ней на помощь пришел парень. Во всем черном, напоминающий летящую тень, он выскочил откуда-то из толпы, прижавшейся сейчас к стенам домов, в три прыжка преодолел чистое пространство до телеги, вскочил на нее и встал с девушкой спина к спине. То, что

произошло дальше, невозможно описать. Не было вспышек света, звуков или чего-либо в этом роде, но они вдруг оказались единым целым. Это было невероятно, но это было. Она едва доходила ему до плеча, он был в полтора раза шире нее, но они органично слились. Они были единым странным существом с двумя лицами, четырьмя руками и одним сердцем.

И они светились. Она сияла белым. Он – каким невозможным это ни кажется – светился черным. И эти два цвета не давали серого – они смешивались, даже нет, они изначально были единым целым – это был удивительный свет. Два клинка с разных сторон – узкий сияющий белым бастард и огромный черный фламберг, запели в воздухе, начертили смертоносный узор, и вот уже от четырех визиг остались лишь ошметки кожи на брусчатке. Светотень – а никто уже не сомневался, что это именно они – спрыгнули с телеги, поражая случайных зрителей легкостью и изяществом движений, подошли к сжавшемуся у стены человеку в лохмотьях и взяли его за горло, легко подняв над землей. В этот момент к ним подбежали хоббиты в форме.

– Вот, – сказали Светотень. Голос у них тоже оказался удивительный – высокий и низкий, мужской и женский одновременно, – Это вор. И злой колдун. Хотя бездарный. Заберите его.

Хоббиты бодро заломили человеку в лохмотьях руки и куда-то увели, сопровождая пинками. А Светотень свернули в переулок, из которого вышли, и не торопясь, удалились.

Доминга высвободилась из-под руки Таэнна, все это время не слишком удачно давившей ей на горло, и обнаружила, что эльф стоит, застыв с мечом в руке, и с раскрытым ртом смотрит вслед уходящим Светотени. Если учесть, что он единственный из приключенцев знал до этого, что собой представляет Светотень, то такая реакция была, по меньшей мере, странной.

– Таэнн! – помахала ладонью у эльфа перед глазами тоже выбравшаяся из-под его руки Амелия, – Таэнн, ты чего?

– Это он! – прошептал эльф, по-прежнему держа левую руку прижатой к стене, хотя она уже никого не держала, так как Эду Ноппину была выше головы.

– Кто «он»? – встревожено спросила Амелия.

– Тьма, – одними губами ответил эльф. То, что в этом ответе был смысл, поняла одна Доминга, а, поняв, забеспокоилась, сгребла эльфа чуть ли не в охапку и поволокла всех за собой все к тому же «Танцующему Опенку».

В таверне эльф оклемался уже достаточно для того, чтобы самостоятельно выпить залпом принесенный ему кубок глинтвейна, после чего уставился Доминге в глаза и ошеломленно сказал:

– Это и впрямь был он!

– Да объясни ты, наконец, кто? – раздраженно спросила Амелия. Таэнн недобро на нее посмотрел, но ответил:

– Рыцарь, которого я видел в Храме, в Выселках

– Таэнн, там не было рыцарей!

– Да знаю я! – мотнул головой эльф, – Ну, этот...

Он не договорил, потому что двери таверны открылись, и вошла та самая девушка в белом. Она огляделась и направилась прямо к их столику, а, подойдя, кивнула всем, облокотилась на стол, чтобы заглянуть в глаза Таэнну и спросить:

– Ты меня не узнаешь?

Прежде чем в ней вспыхнула ревность, Амелия успела подумать, что у нее странный голос – даже сейчас, без своего «напарника», в ее голосе сквозили неженские нотки и интонации, в ее голосе было эхо мужского.

Таэнн приподнялся на лавке, взгляделся ей в глаза и вдруг ахнул, медленно вставая:

– Онтата! Детка!

Девушка рассмеялась и в полпрыжка повисла у него на шее. Таэнн тоже расхохотался, подкинул ее к потолку, после чего покрутил в воздухе, поставил на пол, обнял, снова поднял так, что их глаза оказались на одном уровне, и сказал:

– Каваскъяск мне свидетель, я так рад тебя видеть!

– И я тебя! Как ты тут оказался?

– Это мне надо у тебя спросить! Я – воин, а тебе надо бы дома сидеть, крошка!

– Я теперь тоже воин, Таэнн!

– Да уж, видел я. Кстати, – эльф усадил Онтату на лавку, сел рядом, и тон его лишь чуть изменился, – я и не знал, что ты уже нашла своего Тень.

Доминга про себя отметила, что сегодня эльф ее удивляет. Она и не подозревала, что он способен, словно знаток душ, заводить разговор издали.

– Да где ж тебя найдешь, чтоб рассказать – тебя все где-то носит, – непринужденно ответила девушка. Домингу, кстати, в значительной мере смущало еще и то, что она не могла понять, к какой расе Онтата принадлежит. Она не была похожа на человека, но и эльфкой она не была точно.

– Мы с ним совсем недавно нашлись, – продолжала тем временем Онтата, – ты уже пропал к тому времени. Куда ты исчез, кстати? Твои все с ума посходили – ты ж никого не предупредил!

– Да так, – отмахнулся Таэнн (о том, сколько сил это стоило Феенели, лучше даже не упоминать), – Дела, знаешь ли!

– А, ну да! Как же, как же – в мужские дела мне нос совать не положено! Так?

– Так, – ответил было Таэнн, но осекся – сообразил, что Онтата теперь тоже отчасти мужчина. Ему даже взгрустнулось на мгновение – он помнил ее совсем не такой.

Она же рассмеялась, подозвала хоббита, заказала пива и твердо сказала:

– Сначала представь меня твоим спутникам, а потом я тебя слушаю! Внимательно слушаю!

– А что я говорю? – удивился эльф

– Ты рассказываешь, куда пропал и где был все это время!

Боги.

– Да сделай же что-нибудь! – прошипел Галат, свирепо сосредотачивая внимание на Фее-нель

– Не могу! – простонала та, – Правилами это запрещено. Она не персонаж!

– Чтоб вас всех!..., – туманно выругался Галат, – Самому все приходится делать! Заяминко!

– А?!– откликнулась богиня, несколько нервно.

– Не «А», а помогай давай! – зло сказал Галат.

Внизу.

– Знаешь, они даже решили, что ты умер. Ну, когда ты из похода-то не вернулся. Пал смертью храбрых, и все такое. Но я им так и сказала: врите, ушастые твари, не мог Таэнн – Руки – по – Локоть так вот взять и сгинуть в какой-то дурной деревушке! – Онтата сделала большой глоток из своей кружки и продолжала, – А тут еще Тень мой нашелся, так что мы решили, раз уж нам все равно отправляться по миру шататься в поисках Себя, то почему бы за одно не найти одного рыжего ушастого тварь, который взял моду исчезать! – Онтата сделала еще один большой глоток и торжествующе посмотрела на Таэнна

– Э... Извини, пожалуйста, – осторожно сказала Амелия, – Ты вот его сейчас назвала... Таэнн... Руки... Что?

– Как, вы не знаете? – удивленно спросила Онтата, – Таэнн – Руки – по – Локоть – в – Крови. Я, кстати, совершенно не ожидала встретить тебя тут, да еще и в такой компании. Не в обиду будет сказано, – добавила она и как-то недоверчиво посмотрела на Эда Ноппина. Хоббиту этот взгляд очень не понравился. Он как будто говорил, что фактом его здесь присутствия Онтата удивлена больше всего, и его это здорово нервировало.

– То есть, вы искали меня? – спросил Таэнн.

– Не совсем, – весело ответила Онтата, – Мы искали Себя. А заодно и тебя. Мы знали, что рано или поздно ты нам попадешься, рыжий сволочь! Мы тебя нашли! – она засмеялась и обняла Таэнна за шею, – Я, знаешь ли, ужасно рада тебя видеть!

– Я тебя тоже! – заулыбался эльф.

– Так ты расскажешь сегодня или нет? Или ты при них стесняешься? – шепотом добавила Онтата.

И тут на их столик рухнула стена.

Таэнн одной рукой сгреб Амелию, второй попытался схватить Онтату, но она выпорхнула из-под завала раньше него, так что левой рукой эльф сгреб за шкуру Эда и выскочил на середину таверны, дико озираясь и отплевываясь от пепла. Это Доминга машинально швырнула в летевшие на нее бревна файерболом.

– Хозяин! – крикнула Онтата, тщетно пытаясь выловить шипящие угольки из своей кружки, которую она спасла, почти не расплескав, – Хозяин, мать твою по колению в землю!

Хозяин мигом примчался – больше на шум, нежели на зов, – и теперь стоял над золой, горестно вздыхая и подсчитывая ущерб в уме.

– Онтата, ты ужасно непристойно ругаешься! – укоризненно сказал Таэнн, аккуратно отряхивая Амелию, и одновременно бережно ощупывая ее на предмет сломанных костей. Девушка, судя по всему, находилась в легком шоке и стояла столбом.

– Не забывай, Таэнн, я больше не Свет, – ответила Онтата, в глазах которой веселье и грусть колыхались в пропорциях, которые сделали бы честь любому коктейлю, – Я теперь Светотень!

– *Мы* Светотень, – поправил ее неизвестно откуда взявшийся ее Тень так неожиданно, что даже Таэнн вздрогнул.

– Мы Светотень, – послушно повторила за ним Онтата. Как-то слишком, неприятно, послушно, так, что это резануло Таэнну ухо.

Тень взглянул Онтате в глаза. Таэнн почти почувствовал, как все, что она видела и слышала, перетекло к нему, растворилось, стало частью и его памяти тоже. Тень улыбнулся Онтате, шагнул к Таэнну и протянул ему руку:

– Искренне рад знакомству! Рад, что мы наконец-то нашли тебя!

– Я тоже рад! – несколько натянуто ответил эльф, отвечая на рукопожатие.

После этого Тень пожал руку Эду Ноппину и галантно поцеловал руки Амелии и Доминге. Амелии до этого никто еще никогда рук не целовал, поэтому она зарделась, прислушалась к новым незнакомым ощущениям и решила, что ей нравится подобное обращение. Таэнн бросил на девушку недовольный взгляд.

– Знаете, – сказал он, – уже очень поздно. Я думаю, нам стоит пойти лечь спать. Завтра поговорим! Вы где остановились? – поинтересовался он у Онтаты.

– Да прям через дверь от вас. «Золотой лев».

– Отлично! Значит, до завтра? Спокойной ночи! – и эльф решительно повернулся к лестнице, прихватив заодно Амелию. Та обернулась, бросила быстрый взгляд на Тень, но послушно поднялась вслед за Таэнном.

– Хозяин, – поинтересовалась Доминга, – надеюсь, этот неожиданный обвал не обозначает, что вся гостиница может вот-вот рухнуть?

Хоббит побледнел и торопливо забормотал что-то утешительное. Доминга махнула на него рукой и поднялась наверх. Спать и в самом деле хотелось ужасно.

Выяснилось, что им почему-то отвели только две комнаты, хотя их по глубокому убеждению, спать в гостинице, где только что ни с того – ни с сего обвалилась стена, не должно быть много охотников.

Доминга уснула, едва только коснулась головой подушки, а вот Амелии не спалось. Она повертелась в постели, подумала о том – о сем, и тут ей в голову пришел вопрос, ответ на который ей захотелось получить немедленно. Девушка встала, надела платье, вышла в коридор и тихо постучала в соседнюю дверь.

– Таэнн! – шепотом крикнула она, – Таэнн, ты спишь?

Эльф открыл дверь и кивком предложил ей пройти. Эд спал, время от времени похрапывая и вздрагивая. Амелия села на кровать Таэнна и задала свой вопрос:

– Таэнн, а почему он не представился?

– Кто? – не понял эльф

– Тень!

– Понимаешь, Амелия, у племен Света и Тени нет имен. Их мало, очень мало, и они все знают друг друга в лицо, по голосу. Ну, может быть прозвище...

– Как у Онтаты?

– Ну, в общем, да, – эльф почему-то выглядел смущенным.

– Странно, – протянула Амелия, – я лично всегда считала, что когда человеку дают прозвище, оно должно быть более-менее осмысленным. Там, Толстый, или Пончик, или Хорек. Но почему тогда Онтата?

На самом деле, элфу очень хотелось закончить этот разговор. Желательно, немедленно. Но ему не хотелось врать Амелии. Грубить – тем более. Поэтому он честно ответил:

– В каком-то смысле Онтата – это я.

Амелия округлила глаза.

– Понимаешь, – принялся объяснять Таэнн, – я знаю ее очень, очень давно. Она мне как сестра. Когда она была совсем малышкой, да и я был немногим старше, так вот, первые два слова, которые она научилась произносить, были «Он» и «Тата». Татой она меня называла, не могла имя выговорить. Ну, вот, она говорить научилась, бегают вся такая довольная. «Онтата» кричит, «Онтата!». Ну, в общем, так и получилось... – окончательно засмутившийся, эльф умолк. Амелия смотрела на него и улыбалась, а потом попросила:

– Таэнн, я никогда не слышала про Светотень. Расскажи!

Доминга.

Доминге снился сон. По крайней мере, если бы она могла сейчас что-то осознавать, ей бы страстно захотелось, чтобы это оказалось сном...

Доминга с трудом открыла глаза. Ей совершенно не хотелось их открывать, более того, ей больше всего сейчас хотелось спать, забыться спасительным сном без сновидений, но глаза пришлось открыть, потому что сон не шел, а вместо него в голову лезли тягостные, муторные мысли.

Болела голова. Ужасно болела. Болела так, как будто это ее естественное состояние и основное занятие. Болела так, как будто болела всегда и будет болеть вечно.

На самом деле у Доминги болело все. Каждая крохотная частица, о существовании которой внутри себя она и не подозревала, сочилась, исходила, рыдала болью.

Полностью обнаженная, она сидела посреди небольшого бассейна, выложенного мраморной плиткой: белый мрамор с яркими красными прожилками. Тонким ручейком струилась вода – она задевала колени Доминги, обдавая их ледяным холодом.

В Доминге что-то изменилось. Если бы она могла сравнить себя нынешнюю с той, что была раньше, она бы заметила, сколь многое ушло, и сколь многое прибавилось. По-правде сказать, она стала совсем другим человеком. Но она не могла сравнивать. Она забыла все, что было до этого. Она была здесь, сейчас, а за плечами маячило темное прошлое. Оно давило на нее, оно раздирало ее болью. Ей было стыдно за каждый сделанный шаг, за каждый прожитый миг. Да. Стыд. Вот что довлело над ней. Вот что жгло ее и заставляло сжиматься в тугий ком.

Во рту появился солоноватый привкус. Доминга лизнула запястье, посмотрела на прозрачную слюну и закашлялась. Она кашляла долго, надсадно, мучительно, словно пытаясь выплюнуть легкие, а потом сплюнула темной кровью и долго, почти бездумно, смотрела, как тонкий ручеек ледяной воды потихоньку смывает ее кровь, уносит ее куда-то. А может, она впитывается в мрамор? Становится яркими алыми прожилками. Превращается в камень.

Было трудно дышать. Трудно и больно. Каждый вздох словно взрывал голову и легкие. Было холодно, но это не имело значения. Ничего не имело значения. Не было времени. Времени больше не существовало. Был холод. Была боль. БОЛЬ. И ничего больше...

В параллели перпендикуляра.

– Мне жаль вас. Мне вас всех очень жаль, – тихо сказала Демиург, рассеянно поглаживая серого пушистого кота у себя на коленях, – Вы ведь почти живые! Почти настоящие! И вы не знаете, для чего я это делаю... Простите меня! Вы меня не слышите, я знаю, но... Прости меня, Таэнн. Прости меня, Эд. Прости меня, Амелия. Прости меня, Доминга...

Внизу.

– Они жили неподалеку от нас, – начал рассказывать Таэнн, – и, что самое смешное, неподалеку друг от друга. Племена Света и Тени. Их мало, около двадцати в каждом племени. И они, – эльф замялся, пытаясь подобрать слова, – они ищут друг друга...

– Ты ж сказал, они рядом живут, – удивилась Амелия.

– Рядом, – кивнул Таэнн, – но при этом делают вид, как будто друг о друге и не слышали никогда. Не знаю даже, как им это удается, – эльф пожал плечами, – но дети у них растут, а потом, ну, когда им приходит время стать взрослыми, они уходят на поиск друг друга. Из двух племен одновременно. Юноша и девушка.

– Девушки – Свет, а юноши – Тень, да? – перебила его Амелия, довольная своей догадливостью.

– Не думаю, – покачал головой Таэнн, – в обоих племенах есть и мужчины, и женщины. Значит, нет. Не перебивай! Ну, вот, они проходят какой-то Путь, а потом находят друг друга и вместе отправляются на поиск Себя. Только я про это почти ничего не знаю. Хочешь, расспроси поподробнее Онтату.

– Таэнн, – задумчиво спросила Амелия, – а откуда у них берутся дети? Ну, маленькие светлы и тени? Как они их по племенам делят?

– Не знаю, – засмеялся эльф, – Завтра вот возьмешь и у Онтаты спросишь! А сейчас иди спать, уже очень поздно. Тебя проводить до комнаты?

– Да нет, спасибо, – вздохнула Амелия, – сама дойду...

Эльф посмотрел на нее, странно улыбнулся, а потом взгляд у него стал какой-то совсем странный, он обнял Амелию за плечи и стал наклоняться к ее лицу, ...но тут раздался крик.

– Это Доминга! – вскрикнула Амелия, и они с Таэнном одновременно бросились к двери. Эд Ноппин вздрогнул во сне и перевернулся на другой бок.

Боги.

По такому случаю Галат даже сотворил себе голову и руки. Он держался руками за голову.

– Мы рискуем, – стонал верховный бог, – мы ужасно, ужасающе рискуем! Девочки, – обратился он к полуистаявшим Феенель и Цеенель, – пожалуйста, аккуратнее с этим ушастым! Фильтруйте его воспоминания тщательней! Он уже очень близок к тому, чтобы вспомнить то, что нельзя!!!

– Но-но, – запоздало возмутился Каваскъяск, – Попрошу не обзываться на моего игрока!

– А ты следи за ним лучше, – огрызнулся Галат, – А то только ругаетесь, не играете совсем! – гаркнул он на богов.

В то же время, но в другой стороне:

– Этшантис! – окликнула богиню Маэртене, – Он ее правда любит?

– Кто кого? – отозвалась богиня высокой любви

– Таэнн Амелию.

– Не знаю, – Этшантис выглядела растерянной, – Правда, не знаю. Не могу понять. Это не моих рук дело. Это само по себе.

– Но как же так может быть? – удивилась Маэртене

– Я не знаю, – грустно и испуганно ответила Этшантис.

Внизу.

Амелия стояла на коленях возле постели Доминги и трясла волшебницу за плечи. Таэнн с мечом в руках рыскал по комнате, пытаясь обнаружить следы врага, напугавшего Домингу.

– Таэнн, – с ужасом в голосе обратилась Амелия к элфу, – Таэнн, она не просыпается!

Эльф бросил последний подозрительный взгляд на окно и в полпрыжка оказался возле кровати. Он посмотрел на лицо волшебницы, искаженное внутренней мукой, и тоже потряс ее за плечо:

– Доминга! – громко сказал он, – Просыпайся! Не пугай нас!

Он потряс ее за плечо еще раз и неожиданно громко охнул.

– Таэнн, что с тобой? – встревожено спросила Амелия.

Эльф не ответил. Он закатал рукав и непонимающе смотрел на свое левое предплечье, где виднелась ужасная гноящаяся рана, которая сейчас открылась и источала темную кровь вперемешку с гноем. Амелия ахнула:

– Батюшки, что это?

– Сам не знаю, – эльф отчетливо побледнел, – Меня в Глухово та тварь по руке зацепила, но все почти зажило. А сейчас вдруг... Болит! – жалобно проговорил он.

Амелия как могла ласково погладила его по плечу:

– Не волнуйся! Сейчас Доминга проснется и тебя полечит!

Девушка бросила быстрый взгляд на волшебницу и увидела, что та сидит на постели, держась за нее обеими руками, и широко раскрытыми глазами смотрит в никуда.

– Это наша война, – не своим голосом сказала Доминга, – Наша особенная, ни на что не похожая война! В которой от лишнего глотка зависит судьба тех, о ком ты никогда не узнаешь. В которой главное оружие – головная боль и недомолвки, – вдруг волшебница сморгнула, посмотрела на Таэнна и Амелию, слушающих ее с открытыми ртами, и уже своим голосом сказала, – Я всё поняла! Я всё-всё поняла! – и упала на кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.